

ГРИГОРИЙ АРУТЮНЯН

АВОЕ, ТИФЛИС!

ЕРЕВАН 2005

УДК 882-3 Арутюнян
ББК 84 р-4
А 868

Арутюнян Григорий
А 868 **Авог, Тифлис!** Проза/Григорий Арутюнян.
Е., Зангак-97, 2005, - 88 стр.

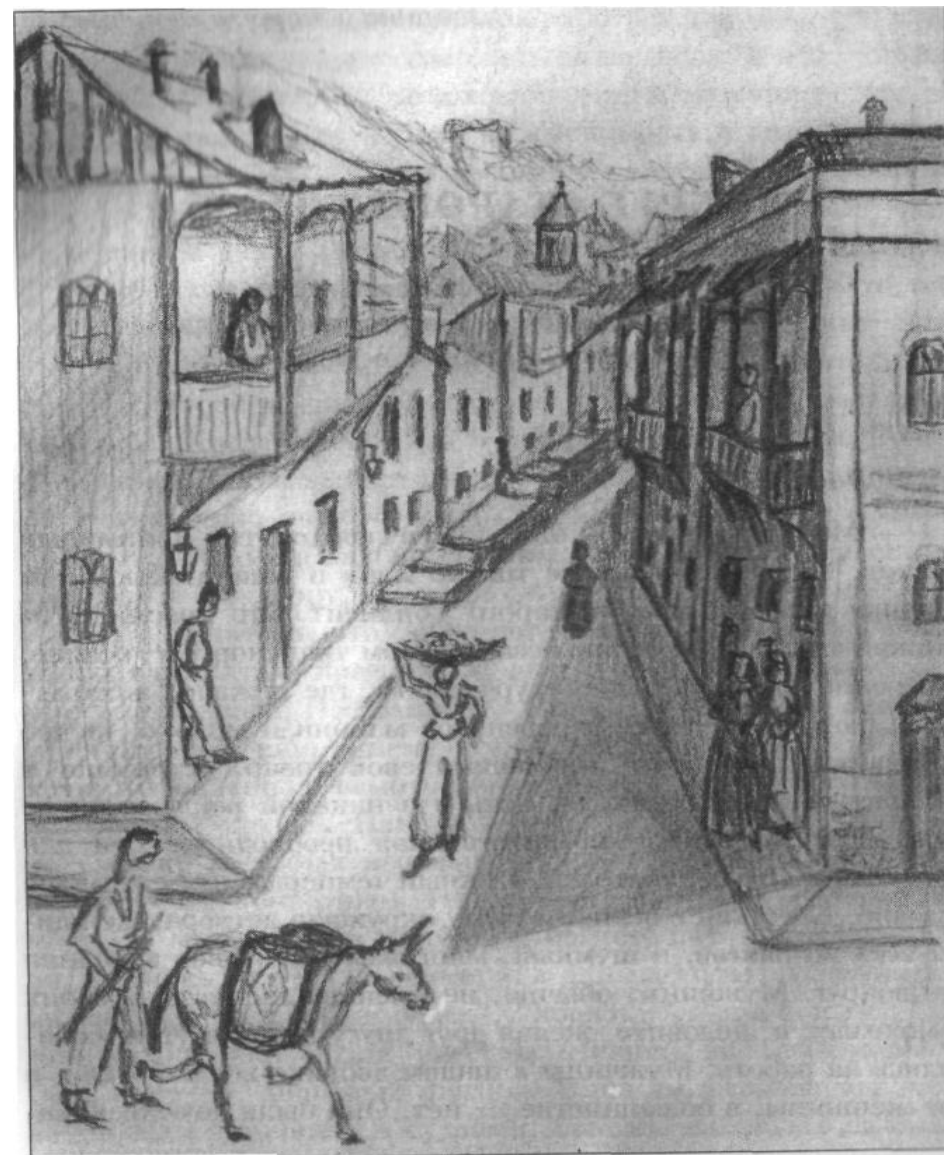
Книга Г. Арутюняна "Двое, Тифлис!" — признание автора в любви к городу и людям, оставившим неизгладимый след в его памяти. Иллюстрирована фотографиями и репродукциями с картин художников, запечатлевших уголки и сценки старого и нового Тбилиси.

47020201
А ----- 2005
0003(01)-2005

ББК 84 р-4

ISBN 99941-1-090-x

© Григорий Арутюнян
© Издательство "Зангак-97"

Худ. В. Элибеян. Тифлисские улочки.

*Дворикам нашего детства
посвящается*

ВОКРУГ СТАРОГО УНАБИ

Недавно я узнал, что редко встречающееся дерево китайского финика — унаби, занесено в "Красную Книгу".

Велосипед

— Ма-цо-ни! Мо-ло-ко! Я проснулся от этих привычных криков, часто будивших не только меня в нашем маленьком дворике в самом центре старого Тбилиси*. Это крестьяне из ближайших сел, на своем незаменимом транспорте — ослике, с перекинутым через него хурджином, где лежало, аккуратно, в банках, вкусное, деревенское мацони и молоко, щедро предлагали заспанному горожанам свой товар, остроумно и колоритно его рекламируя, хоть и в никакой рекламе он не нуждался. Но это была естественная необходимость и для продавца и для покупателей. Южный темперамент — этим все сказано. Крестьян с осликом сразу окружала детвора, женщины всех возрастов, и шумный, многоязычный говор заполнял все вокруг. Мужчины, обычно, не вмешивались в дела своих домохозяек и, деловито, желая друг другу доброго утра, собирались на работу. Мужчины в нашем дворике все работали, а вот женщины, в большинстве, — нет. Они были домохозяйка-

ми. Считалось, что если женщина работает, значит, муж у нее никчемный — не может содержать даже жену. А это — позор. Вот и стали женщины домохозяйками, а мужчинам тем самым удалось сохранить свою незаменимость и авторитет.

— Я проснулся, и необъяснимое чувство беспредельного счастья охватило меня. Был воскресный день. В школу идти не надо. На улице чудная весна. Но это еще не все. Главное, у меня теперь есть настоящий, большой велосипед. Это тебе не "Школьник!" И купил его я на свои заработанные деньги. Да, да, не удивляйтесь, хоть мне всего двенадцать лет. А сейчас, скорей во двор — ведь никто еще не видел моего велосипеда! Представляю, как будет реагировать на это Робик! Я подожду, когда выйдет во двор Нона и неожиданно, на виду у всех, лихо подкачу к ней на своем "железном коне" и предложу сесть на заднее сиденье. Она сядет, и мы станем кружиться по двору. Пусть лопнет от зависти Робик! А то только и кичится, что он старше меня на три месяца и выше ростом. Затем, предложу прокатиться Робику. Скажу, что мне уже надоело. Но главное — Нона! Неужели она опять не удостоит меня вниманием? Ну, ладно. Скорей во двор! Выскочив на балкон, я осмотрелся. Во дворе еще никого не было, кроме старушек Нане и Лусик, просыпавшихся раньше всех. Двор наш был небольшой, а сейчас, через много лет, кажется мне крохотным. Но тогда он вмещал для нас целый мир, где мы гоняли в футбол, в баскетбол и волейбол. Позже появились самодельные столы для настольного тенниса и бильярда. Играли в "жмурки", "ловитки", "два флага", "казачки-разбойники". Для нас, мальчишек, на первом месте был, конечно, дворовый футбол. С каким азартом мы играли! Соседи становились судьями, болели, наблюдая со своих ажурных деревянных балкончиков. Мяч то и дело попадал в эти балкончики, бились оконные стекла. Особенно любил

* До 1936 г. город известен под названием Тифлис (прим, автора).

смотреть наши игры, уже очень старенький, дядя Костя Шаумян, близкий родственник знаменитого Степана Шаумяна. Он садился на стул и, опершись на перила балкона, греясь под солнышком, дремал. Но когда мяч, невзначай, попадал в его балкончик, тут же оживал и радостно вскрикивал: "Штрафной! Штрафной!". А по вечерам, почти регулярно, как действующее лицо последнего акта спектакля, певуче объявляя: — "Стэк-ло! Стэк-ло!" появлялся во дворе стекольщик, вставляя разбитые стекла. Сейчас удивляет, как могли мы чувствовать себя, в нашем дворике, так раздольно! Но так было.

Унаби

— В центре двора стоял водопроводный кран с каменным поддоном, — место встреч и бесед соседей ранним летним утром. Вокруг росли две липы, два тутовых дерева — одна белая, другая черная тута, небольшая вишенка, виноград, разросшийся в виде купола над двором. Даже в самый знойный день мы не чувствовали жары — деревья великодушно нас оберегали. И только одно, небольшое и сгорбленное дерево — старое унаби — не участвовало в этой благородной миссии. Оно было как человек, согнувшийся от непосильной ноши и, видимо, само нуждалось в помощи. Унаби был всеобщим любимцем, хоть никто толком не знал, что это за дерево, с необычными на вид и вкус плодами. На него, унаби, было легко взбираться и удобно сидеть и, даже, читать книгу.

Нона

— Вытащив, из чулана на балкон, свой красавец-велосипед, и обтерев его до блеска, я стал кружиться на нем по двору, огибая всевозможные препятствия, то и дело

поглядывая на верхние балконы, где жила Нона. Но Ноны не было. Затем послышались знакомые звуки ее скрипки, и я понял, что это надолго. В это время во двор вышел Робик и удивленно уставился на меня. Посвистывая, я продолжал наслаждаться своим приобретением. А Ноны все не было. Мне вскоре надоели эти виражи, да еще Робик пристал — дай поездить, дай поездить, и я уступил. И уже Робик стал кружиться на велосипеде. Неожиданно появилась Нона и, увидев Робика, радостно сбежала вниз, во двор, по длинной и скрипучей деревянной лестнице своего балкона. Не обратив на меня никакого внимания, она попросила у Робика велосипед. Он тут же усадил Нону и начал ее обучать, хоть и ездила она неплохо. Настроение упало. Я даже пожалел, что купил велосипед. То же самое было с биноклем. Зачитываясь книжками о путешествиях, морских странствиях, мне очень хотелось иметь бинокль. Не маленький, театральный — какой был у тети в шкафу, а большой, армейский. И вот, когда я лежал в больнице, где мне удалили гланды, мой дед выкопал в какой-то комиссионке старый полевой бинокль. Радости моей не было предела! Я представлял, как, по утрам, выйдя на балкон и, напевая песенку про капитана, гордо, через бинокль буду разглядывать наш дворик, соседей и, конечно, Нону. Смогу видеть ее очень близко — что она делает, как играет на скрипке. Но, когда Нона, увидев бинокль, поняла, зачем он мне, то обиделась и сказала, что неприлично подглядывать за другими. И я перестал. Одним словом ей больше нравился Робик. А меня она не замечала. Это мучило и угнетало меня еще много лет. Это была Первая Любовь... Любовь детская, искренняя, часто безответная. Как бы она не заканчивалась, всегда остается чистое, радостное, теплое и щемящее чувство.

Книги

- Я рано подружился с книгой. Вначале читал без разбору, что попадет под руку. Дома у нас книг, в общем, никто не читал, их было мало — только технические справочники, несколько томиков Пушкина, Драйзера и пара дореволюционных изданий об известных художниках мира, на маленькой этажерке моей тети — Зарик. Она была инженером. Чем занималась конкретно, я не знал. Знал, что работает научным сотрудником в институте, где ее все уважали за знания и человеческие качества. Младшая тетя — Теда, работала бухгалтером в детской больнице. Но и они дома не читали — во всяком случае, я этого не замечал. Дед с отцом были большими любителями газет

С мамой и сестрой Аней.

и журналов. Каждый день почтальон Абрам приносил нам кипу различных газет, журналов и вручал персонально деду, получая за это стаканчик хорошего вина. А дед начинал с удовольствием "колдовать" над ними. Особным для него был день, когда Абрам приносил упакованную трубочкой, армянскую газету из родных краев деда "Воротан". Дед был единственным подписчиком газеты "Воротан" в Тбилиси, а для редакции этой газеты, естественно, — очень уважаемым человеком. Она, редакция, регу-

лярно присылала поздравительные открытки на его имя к Новому Году и к другим праздничным датам. У деда хранилось множество различных, старых газетных и журнальных вырезов. Он их периодически приводил в порядок, Пересказывая мне содержание особо, на его взгляд, интересных. Еще у него были две большие, старые книги о русско-японской войне с иллюстрациями, и я любил их рассматривать. А брал я книги у Робика — у них было много. Потом открыл для себя библиотеки. Как-то мы с Ноной пошли в библиотеку. По дороге я увлеченно рассказывал ей о деревне, где провел лето. Рассказывал об орешниках, птичьих гнездах, ежевичных зарослях, где чуть не наступил ногой на спящую змею — тут я преувеличил — я их, змей, просто там видел. В библиотеке произошла небольшая задержка с оформлением книг, и я сказал Ноне, чтоб она не ждала и пошла домой без меня. Но она ответила, что подождет, так как ей без меня скучно. Что со мной было! Ведь это значило, что Ноне со мной, вдруг, стало интересно! Она сама в этом призналась! Расскажи кому — ведь не поверят! И почему в жизни все наоборот? слышат, что не нужно, а что хотелось бы — нет.

Тамада

В нашем дворике, как и самом городе, жили люди различной национальности — армяне, грузины, русские, евреи, поляки, айсоры. И все прекрасно ладили. Правда, почти не было дня, чтоб женская

Соседи нашего двора

половина двора не устроила какую-либо "полемику". Причем в ход пускалось все — и кто кого перекричит, и шумовые эффекты с кастрюлями и посудой, и метла, а порой и женские кулачки. Но это продолжалось недолго, и вскоре все забывалось до следующей ссоры. Мужчины вели себя более достойно. В женские дела не вмешивались, а свои разногласия решали мирно, вечером, за стаканом сухого вина, прямо во дворе. Или, иногда, видимо по особым соображениям, мужская половина двора собиралась в небольшом винном

подвальчике-закусочной, куда можно было войти и с главного входа на улице, и прямо с нашего двора через "черным" ход. Но "черным" ходом мужчины двора почти не пользовались, жены были начеку, а входить с улицы, в этом отношении, было безопасней. Веселиться умели и любили все. Летом все выносилось из домов во двор, где и стирали, сушили белье, взбивали шерсть, купали детей, ссорились и мирились. А вечером, когда возвращались с работ мужчины, под старым унаби начиналось застолье. Причина находилась всегда — чьи-то именины, рождение и крестины, у кого-то горе и надо утешить беднягу, другому, наоборот, улыбнулась фортуна. Сначала, конечно, выбирали тамаду, оглашавшего бесконечные тосты, с соблюдением устоявшегося, неукоснительного канона. Тосты, повторяющиеся, казалось, без изменений, мы слушали с наслаждением, не осознавая, что это великое, но, к сожалению, уходящее в прошлое, искусство тамады. А владели им мужчины виртуозно. Детвора, крутились тут же.

Худ. Михаил Хубашвили. Тост.

А самым почетным для нас было место на унаби, куда мы взбирались, опережая друг друга, чтоб устроится поудобней. Мы с Робиком набивали карманы черешней, вишней, недоспелой тутой и, усевшись на унаби, состязались — кто больше забросит их в стакан с вином самого тамады. Иногда пускались в ход и плоды унаби. Времени для этого занятия у нас было предостаточно — стаканы задерживались в руках ораторов соответственно продолжительности тостов. Нона была судьей. Обычно нашего баловства, как нам казалось, не замечали, тем более, если пили крющон. Застолье сопровождалось пением. Иногда появлялся тар, особенно если в гости во двор приходил известный в городе тарист Павлэ Зарафьян.

Тарист Павлэ

— Отец любил музыку, песню. Его кумиром был непревзойденный Саят-Нова. В застолье пел, вместе с мамой, читал стихи, часто импровизируя, выдавая на лету экспромт. Имея только трехклассное образование, он был бессменным тамадой в любой компании. Отец очень хотел, чтоб я играл на каком-нибудь музыкальном инструменте и достал маленький, детский тар. Обучать меня согласился сам Павлэ. Он был братом дедушки Робика, папаши Аршака, известного и уважаемого в городе портного. Здесь хочу отметить одну деталь — дед мой, тоже портной, и папаша Аршак, по какой то размолвке в молодости, не разговаривали друг с другом до конца своих дней, хоть и жили на одном балконе, а все остальные члены наших семей тепло дружили. Но стоило папаше Аршаку, — он, как и его брат Павлэ, играл на таре и хорошо пел, — в минуты отдыха сыграть и спеть, тихонько, в своей комнате, а стенка была у нас общая, как дед тут же откладывал свою работу, садился поближе к стене и просил, чтоб в комнате не шумели: "Дайте послушать и послушайте сами, как чудесно поет Аршак!". Особо нра-

вилось деду в исполнении папаши Аршака армянская песня "Крунк". Всегда высоко, особенно в присутствии своих клиентов, отзывался он и о профессиональных качествах папаши Аршака. "Никто так хорошо не шьет костюмы, как Аршак", говорил он. И это уважение было взаимно. И вот, дядя Павле начал обучать меня игре на таре. Было мне тогда лет 7-8. Научился я довольно быстро, но, к сожалению, дядя Павле заболел и больше не мог ни приходить к нам, ни заниматься со мной у себя дома. Тогда отец купил мне аккордеон. Я стал прилежно ходить на уроки музыки на дом, к молодой учительнице. Ходил без всякой охоты. Мне претили и сами занятия, хоть учительница была очень милой, и то, что приходилось дома часами разучивать новые и новые мелодии — "На сопках Манджурии", "Севастопольский вальс", "Дунайские волны", армянские, грузинские, русские песни и романсы. А в это время во дворе происходило столько интересного! Но зато, вскоре, уже неплохо играл на аккордеоне все эти вальсы и полонезы и отец по праву мог гордиться, когда я начинал свои "концерты". Правда, почему-то, я стеснялся, что занимаюсь музыкой, считая это занятием для девчонок, и играл только дома, в дальнем углу комнаты. Но отец специально открывал настежь окна и весь двор становился моей аудиторией. Но прошло время, и я забросил аккордеон, как и многое в своей жизни, и очень об этом жалею. Впоследствии, я стал бречать, как и миллионы моих сверстников, на гитаре. Но гитара — не аккордеон. Аккордеон — совсем другое дело.

Несправедливость

— Вскоре мы увлеклись пинг-понгом, и во дворе появился самодельный теннисный стол, сделанный для нас соседом-столяром дядей Денисом. Пока не было этого стола, мы с Робикум играли на небольшой деревянной кушетке, стоящей на

нашем балконе. Играли самозабвенно, устраивали различные турниры. Однажды мы с Ноной заигрались во дворе и не заметили, как стемнело. Мы же не успели завершить игру. Тогда я притащил свечи. Дворовые ребята держали в руках зажженные свечи, и мы доигрывали незавершенную партию. Какой-то незнакомец, зашедший к нам во двор; увидев нашу игру при свечах, с одобрением воскликнул: — "Вот так рождаются знаменитые спортсмены!" Но он ошибся — спортсменами мы не стали, хотя я и записался в секцию настольного тенниса. Как-то, возвращаясь домой с тренировки, в троллейбусе, к своему изумлению я увидел, как некий мужчина шарит в карманах другого, а тот стоит как истукан и ни звука. — Неужели он не замечает этого? — пронеслось в голове. Я подошел к незнакомцу и тихо шепнул, что ему лезут в карман. Он продолжал стоять, как восковая фигура из музея мадам Тюссо, и молчал. Троллейбус подъезжал к остановке. Вдруг я почувствовал сильные удары по ногам. Боль ударила в голову. Били несколько человек, пытаюсь стащить меня с троллейбуса, но я, преодолевая боль, крепко схватился за поручни и удержался. Видя тщетность своей затеи, они выпрыгнули на ближайшей остановке. А я остался. Это была моя первая встреча с ворами, с откровенной несправедливостью и глумлением над человеком. Позже мне часто приходилось встречаться с подобными деяниями, но в завуалированной форме, когда обкрадывают не карман, а душу. Но этот эпизод мне запомнился на всю жизнь. Я поведал об этом случае Ноне и Робику и некоторое время был окружен ореолом героя.

— У меня было обостренное чувство ко всякой несправедливости, в особенности по отношению к беззащитному человеку. Как-то я стоял на улице, у нашей школы. В нескольких шагах от меня сидел, устроившись на бордюре, тщедушный

крестьянин с живой курицей в руках. Он видимо желал ее продать. Курица периодически кричала, а крестьянин, громко, но жалобно за ней "переводил": — "Ку-ри-ца! Ку-ри-ца!". Вдруг, откуда не возьмись, на большой скорости подъехала милицейская машина типа "черного ворона". Из нее выскочили милиционер в форме и шофер, и, схватив опешившего крестьянина с кудахтающей курицей, затолкали его через заднюю дверь в машину, и направились на свои места, в шоферскую кабину. Бедный крестьянин, беспомощно озираясь по сторонам, искал помощи. Пока милиционеры садились в кабину, я быстро открыл не запертую на ключ заднюю дверь и дал понять крестьянину, чтоб тот скорее унес ноги. Что он и сделал на редкость ловко, и мгновенно исчез в подворотне. Тут уже блюстители порядка, заметив через окошечко, что и кузове никого нет, с изумлением восклицая: — "Ва-а! Ва-а!", вновь выскочили из машины. Но от "нарушителя" и след простыл. Они секунду замешкались, затем, поняв в чем дело, молчи взяли и посадили в машину меня. В ближайшем отделении милиции, куда меня доставили, работавшая с подростками женщина стала оформлять протокол. Я признался, что способствовал побегу "опасного для общества преступника". Сообщили об этом ЧП, по телефону, нашему соседу Шуре Нейману — в нашем дворе только у них был телефон, и я помнил номер. Спустя некоторое время в милицию в полуобморочном состоянии прибежала мама. Узнав, в чем дело, моя бедная мама немного успокоилась. Взяв с меня слово и расписку, что такое больше не повторится, нас с мамой с миром отпустили. Мама всю дорогу отчитывала меня, но как ни странно, угрызения совести я не испытывал. Наоборот, случись такое снова, я сделал бы то же самое. Вечером, под унаби, этот случай бурно обсуждался соседями за бутылочкой вина под председательством, пользующихся авторитетом в на-

шем дворе, Смбата Ростомовича и повара Серго Метревели, кстати, единственного, кто был репрессирован и сослан с семьей в ссылку из нашего двора и, к счастью, вернулся. Для объективности наши домочадцы не были допущены к обсуждению этого важного события. Смбат Ростомович подытожил, наконец, общее мнение — обязательно помогать попавшим в беду, но так, чтоб не навлечь большую. А, обычно немногословный дядя Серго, предложил тост за спасенных — курицу, ее хозяина и меня.

Ежевика и марки

— Отношение Ноны ко мне в последнее время заметно изменилось. Я зачитывался Драйзером и, уподобляясь его героям, стал уделять своей внешности больше внимания. Мне казалось, что у меня весьма ординарная внешность, и я избегал смотреть в зеркало, а тем более быть при этом довольным. Но, начав следить за собой, вскоре заслужил похвалу Ноны. Она сказала, что я похож на Жорку, — а это был очень красивый мальчик с соседнего двора и лучший комплимент, в данном случае, для меня. Я утроил свои усилия. Старательно следил за шевелюрой, одеждой. У меня появились первые мокасины, брюки дудочкой. А вскоре я прослыл симпатичным мальчиком не только нашего двора, но и всего "убана" или, как сейчас говорят, — микрорайона.

— Летом я, вновь, поехал к бабушке Устине и тете Мане, маминой сестре, живших тогда недалеко от Тбилиси у небольшой железнодорожной станции. Дед мой, по материнской линии, мастер Ерем Агванян, погиб накануне войны, выполняя свой служебный долг, прямо на железнодорожных путях, спасая поезд от крушения. Его старший сын — Геворг, ушел на фронт добровольцем и отдал жизнь в Великую Отечественную. В период летних отпусков к Мане съезжались

С бабушкой Устиной

братья — Агван и Размик из Еревана и Арег — молодой офицер, служивший на Дальнем Востоке. Собравшись вместе вокруг бабушки Устины и, придававшего особый колорит, винокура Бадала — мужа тети Мани, мы проводили веселые дни. Рядом, прямо у домика тети, протекала река Дебет, где я и научился плавать. Ребята, собиравшие со мной ежевику, тоже заметили во мне эти внешние перемены. К тому же за это лето я здорово вытянулся в росте. Тогда

же впервые попробовал сигарету.

Мы с мальчишками скинулись и купили пачку сигарет без фильтра — "Вега", с фильтром тогда еще не было. Прятали ее в дупле дерева и с показным наслаждением, тайком от взрослых, выкуривали по одной сигаретке в день. Да, насчет ежевики. С местными ребятами мы уже несколько лет, во время летних каникул, занимались этим своеобразным, но для того времени довольно сообразительным и весьма прибыльным, особенно для нас, мальчишек, "бизнесом". Неподалеку от реки был небольшой лесок, где росло много ежевичных кустарников. Надев резиновые сапоги и вооружившись палками-крючками, мы смело топтали густые ежевичные заросли и наполняли ягодами ведерки. Далее — следующий этап, — приготовление бумажных кулечков. В ход пускались газеты, журналы, старые тетради. Эти бумажные

пакетики-кулечки набивались ежевикой, и "товар" готов. Вечерние поезда, проезжающие через эту станцию с остановкой, мы встречали во всеоружии. Пассажиры с удовольствием хватили наши кулечки по 10 копеек за штуку. О том, как процветал наш "ежевичный бизнес", можно судить по велосипеду, о котором я рассказал, купленному на эти собранные деньги. Здесь я несколько не договариваю. В покупке велосипеда мне помогли и марки, вернее деньги, вырученные от их продажи. Увлечшись филателией, я узнал у Рубика Агамяна, адрес одного коллекционера в Венгрии и списался с ним. Рубик учился в классе моей сестры. Несмотря на весьма юный возраст, он был уже страстным коллекционером и знатоком по части марок и монет. Еще он был известен, как младший брат красавицы нашей школы Инги Агамян, сыгравшей впоследствии роль невесты Геворка Сарояна, в фильме "Братья Сарояны". Мой новый венгерский товарищ просил высылать ему советские спичечные этикетки взамен на такое же количество венгерских марок. Началась бурная переписка, вернее обмен по почте — спичечных этикеток на марки. Спичечные этикетки продавались у нас за копейки. Марки были несравненно дороже. Я предупредил об этом моего венгерского товарища, но его устраивал такой расклад. Естественно, еще более устраивал он и меня. Часть полученных марок я менял на французские колониальные, которые собирал, а часть с успехом продавал коллекционерам, собиравшихся каждый день у небольшого марочного магазинчика рядом с нашим домом. Взрослые прочили мне неплохую карьеру на предпринимательской стезе, но и тут я не оправдал их надежд. Бизнесмен во мне также не состоялся. Далее поочередно бросались филателия, выпиливание лобзиком, настольный теннис, шахматы, плавание и еще многое, многое другое.

Тбилисская зима

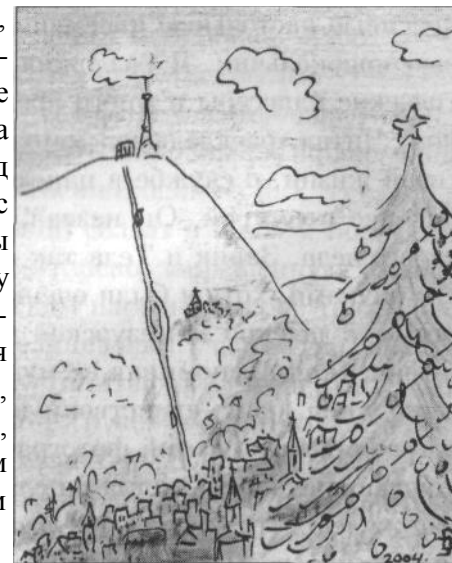
- Приближалась зима. Самым верным признаком ее скорого прихода была для нас не дата в календаре, не первые заморозки, а появление во дворе дров. Вернувшись со школы, я увидел кучу дров у нашего балкона. Отец, мама, соседка и детвора уже приступили к работе. Сбоку был сколочен стояк,

Новый Год и Дед Мороз с подарками в нашем дворике. Тбилиси. 1960 г.

на котором дрова распиливались прежде, чем попасть в подвал. Я забросил сумку с учебниками домой и выбежал на подмогу. Подоспел и Робик с младшим братом — белокурым красавчиком Рафиком, и сыновья Смбата Ростомовича Гагик, Валера и Эдик. Отец с соседом распиливали дрова, а мы устроили живой конвейер — со двора до подвала под нашим домом и, пытаясь жонглировать, перекидывали друг другу поленья. Иона, моя сестра и ее подруга Дали, оценивали наши "жонглерские" способности. В подвале дрова аккуратно складывались и — зима не страшна. За короткий срок весь двор запасался дровами. Вытаскивались жестяные печки, чистились их трубы, дымоходы. И вот уже из труб повалил густой дым. А в преддверии Нового Года готовилось вкусное гозинаки — грецкий орех с медом. Так у нас начиналась зима. Снег в Тбилиси почти не выпадал, а если и случалось, то держал-

ся он дня два. Это было, как праздник и комментировалось в газетах. Мы же старались успеть скатиться на наспех сколоченных санках, под сиянием зимнего солнца, с заснеженных склонов горы Святого Давида — Мтацминды у фуникулера, или у "Комсомольской" аллеи, рискуя каждый раз сломать шею, ободряя себя непереводаемым, чисто тбилиским кличем "АВОЕ!" выражающим восторг и удивление, и при-

Худ. Юрий Демин. С Новым Годом!

думанными нами словами на шлягер того времени - "Чу-чу" из любимого фильма "Серенада Солнечной долины". Но бывали зимы холодные, с ветрами, не сильными, но пронизывающими насквозь.

- С переходом на зимний режим, жизнь во дворе заметно стихала. Начинались долгие зимние вечера. Про унаби на время забывали.

- В дедовском доме одна комната обогревалась жестяной печкой, а две другие — стеной. Между ними небольшая кухня, оттуда люк в подвал. Больше всего я любил комнату деду, где стоял длинный стол на котором он занимался своим портняжным ремеслом. Рядом — швейная машина "Зингер", тахта, большой, красивый буфет, настенные часы и мой письменный столик. Дед специально поставил его рядом со своим рабочим столом, чтоб чаще со мной общаться. Я был очень доволен этим и принялся его обставлять. Дед дал мне

красивые настольные письменные принадлежности и бронзовый колокольчик. Я разложил книги, журналы, филателистические классеры и много времени проводил за этим столиком. Читал, раскладывал марки, а дед шил и рассказывал о своей жизни, о службе в царской армии. Дедушка очень любил нас с сестрой. Он назвал меня, первого внука, именем своего деда. Зарик и Теда так и не вышли замуж, не одарив его внуками, хоть и были очень привлекательны. Сам рос сиротой, в далекой зангезурской деревушке и воспитала его бабушка. Часто вспоминал ее мудрые напутствия. Хранил, как зеницу ока, одну, единственную ее фотографию — даже сфотографировался с этой фотографией в руках. Она умерла, не дождавись внука, когда он служил еще в армии. Как я сейчас жалею, что слушал эти рассказы невнимательно! Совсем другие интересы кружились у меня в голове. Но, тем не менее, многое запомнилось — настолько они были ярки и впечатлительны.

Дед

— После службы в русской армии, дед попадает в Тифлис. Сойдя с поезда и очутившись на перроне вокзала незнакомомого города, он решает сначала немного перекусить, и заходит в первый попавший привокзальный винный подвальчик. В подвальчике сидели музыканты и играли на народных инструментах, развлекая посетителей. Выпив стаканчик вина, и закусив, дед мой, тогда молодой красавец, попросил музыкантов сыграть песню про храброго Арсена, своего тезку. Он выучил ее в армии. Музыканты исполнили просьбу солдата. Дед поблагодарил и вышел на улицу. Здесь его уже поджидал городской и доставил, вызвавшего подозрения молодого человека, в ближайший полицейский участок. Дело оказалось в следующем. Тифлисские духаны, винные подвальчики

были не только местом увеселений и кутежей. Здесь во все времена находили временное пристанище беглые ссыльные, террористы, устраивали свои сходки революционеры, свободные художники, поэты. Предреволюционный Тифлис кишел царскими ищейками. И, естественно, один из них, тут же, донес городовому о том, что некий солдат в винном подвальчике, и открытую заказывает негласно запрещенную песню о Арсене Одзелашвили, грузинском народном герое типа Робин Гуда. Вот деда и повели в полицейский участок для выяснения личности. Но вскоре отпустили, поняв, что эпизод с песней носил безобидный характер, и перед ними храбрый солдат, а не опасный революционер. Оказавшись на улице, дед, вновь, вернулся к вокзалу и обратился к муше — привокзальному носильщику. Он рассказал муше о себе, о случае в винном подвальчике и попросил, если возможно, пристроить его на короткое время в простую и скромную армянскую семью, пока он найдет работу и жилье, так как он впервые в Тифлисе и никого в городе не знает. Мушу, видимо, тронул рассказ, и он повел солдата в семью Лазаря и Вергине Туманян. Молодой человек сразу пришелся по душе хозяевам. Они не только его приютили, но вскоре подобрали для него и невесту из своей родни. Так дед мой встретился и женился на Анне, моей бабушке. А вскоре одна из дочерей Туманянов — Ашхен, стала женой известного революционера Анастаса Микояна. В первые годы дед, под воздействием Анастаса Микояна, был вовлечен в революционную деятельность. Знали бы полицейские, ни за что не отпустили бы его тогда у вокзала! Дед активно включился в революционную борьбу большевиков, но, постепенно, почему-то, охладил к ней и занялся портняжным ремеслом. Он очень любил семью, детей, всех многочисленных родственников жены. Большое место в его жизни заняла религия. Возможно, это было причиной его ох-

Сыновья и невестка Анастаса Микояна в гостях у Арсена Авакова (в центре) на прогулке по Тбилиси. Фуникулер (гора Святого Давида). Конец 1940-ых. Публикуется впервые.

лаждеия к большевикам? Может быть. Но до конца своих дней он, бабушка и нее остальные в пашей семье, сохраняли теплые взаимоотношения со всем семейством Анастаса Микояна и Лазаря Туманяна, который безгранично доверял и любил моего деда. Бывая в Москве, дед всегда останавливался в доме Микоянов. Гостили у нас и сыновья Анастаса Микояна и его брат, известный авиаконструктор Артем Микоян. Дед много рассказывал о них, хранил фотографии и документы. Я тогда твердо решил, что если у меня когда-нибудь будет сын, я обязательно назову его именем деда — Арсен, что означает мужественный и, как-то, поведал об этом желании Нонне Она удивленно на меня посмотрела и сказала, что я, однако, большой фантазер.

Наши гости

- В любое время года наш дом, как и у многих в нашем двореке, был полон гостями. Кто только не приходил к нам - родственники, знакомые, друзья. Стол наш, в столовой, всегда был заставлен вкусной едой, вином. Когда только бабушка и мама успевали все это приготовить на двух керосинках до появления газовых плит! Припоминаю множество забавных эпизодов, связанных с гостями. Часто заходил к нам один из родственников по фамилии Абовян. Он любил выпить, но не знал меры. В один из таких визитов, бабушка поставила перед ним маленькую рюмочку, налив туда домашнюю водку — чачу. Визитер взял рюмочку и попросил принести тонкую бечевку. Ему принесли. Гость привязал один конец бечевки к ножечке рюмки, а второй намотал на кисть руки и выпил содержимое рюмки. Дед, внимательно наблюдавший за этой мизансценой, удивленно спросил -- зачем он так делает?— "А, чтоб, Арсен Варганович, случайно не проглотить этот "наперсточек!" — с бравадой ответил Абовян, указывая на рюмочку. Дед велел принести ему рюмку побольше. Но Абовян продолжал свои фокусы. Наконец, дед велел дать ему самую большую в доме 2-х литровую емкость для питья в виде потира и налил туда уже вина. Абовян остался доволен, и отложил в сторону бечевку. Но тут уже дед принес ему другую, длинную веревку. — "А это за-

Худ. Оскар Шмерлинг. За здоровье.

чем?", удивился Абовян.— А ты теперь обмотай одним концом себя, а второй конец привяжи к ножке стола, чтоб ненароком не свалиться и не утонуть в этой посудине" — с улыбкой ответил дед. Абовян вначале слегка смутился, но, конечно, не растерялся, и гордо встав, с потиром в руках, произнес: "Как я могу утонуть в вине?! Ведь о моем умении выпить ходят легенды и даже слагают стишки, как к примеру: "Выпил бочку и не пьян, — Это Жора Абовян!" — и, довольный, опорожнил очередную порцию.

На нашем балкончике играют в нарды Гагик и Смбаг Ростомович. Ждут своей очереди Вагаршак, профессор А. Григорян и тарист Павлэ (сидит). 1950-е годы.

Помню, как приехал к нам погостить из Москвы профессор московской консерватории, Асатур Григорьевич Григорян, известный скрипач. В московской консерватории у него обучались как советские, так и зарубежные студенты. Это был импозантный, интересный мужчина. Он дружил с Зарик, и, бывая в Тбилиси, обычно гостил у нас. Узнав о его приезде, сосед, скрипач в на-

шей филармонии — Шура Нейман, тоже Шура Нейман, тоже

высокий, красивый, изъяснил желание о

встрече с московской знаменитостью. Любопытно, что Любопы, гостивший в нашем дворике, считался гостем всего двора. Между гостями и соседями, зачастую, завязывалась дружба на долгие годы. Вечером дядя Шура, прямо с очередного концерта, одетый во фрак, в бабочке, и со скрипкой в руках, зашел к нам домой. Все были дома, включая профессора. Гостя, Шуру Неймана, радушно встретили, представили профессору и они долго и шумно беседовали. Нейман играл на скрипке для московского маэстро, желая показать класс. Играл и профессор. Гости наши засиделись допоздна и были очень довольны друг другом. Но, спустя несколько дней, я услышал, как дядя Шура жаловался моему отцу относительно той встречи: - "Понимаешь, дорогой, я очень вам благодарен, за тот вечер. Я к нему готовился, подбирал репертуар, чтоб не ударить лицом в грязь. Старался не только для себя, но и за весь наш двор. Играл для него классику! Думал, и он ответит тем же. А ты слышал, Вагаршак, чем он ответил и что сыграл для меня?! Смех, да и только! Самую наипростейшую армянскую народную песенку - "Ес пучур, ярс пучур!" И откуда он ее выкопал и вспомнил?! Это сможет сыграть и твой мальчик, взяв в первый раз в руки скрипку! Я очень расстроен, но ты не переживай, это лишний раз убедило меня, что мы ничем не хуже москвичей!". Отец его успокаивал и обещал, что попросит Асатура Григорьевича рассказать о Неймане в Москве, и его обязательно назначат главным дирижером! — ведь он так здорово играл в тот вечер, — в сто раз лучше профессора, на которого и он, кстати, в некоторой обиде: — "Представляешь, Шура, Маэстро Асатур учит меня, признанного тамаду, как надо правильно пить водку и чем ее закусывать! Завтра выходной и я с утра ему продемонстрирую, как надо это делать! Угощу его хашем! Я уже обо всем договорился с нашим Сэпе, он обещал сделать все как надо. Это тебе не на скрипке пиликать! Ты, Шура, тоже завтра

обязательно заходи. Только, пожалуйста, без скрипки! Посидим нормально, как полагается. Покажем профессору, как надо есть хаши и пить водку! Потом будет шашлык с красным вином. А затем, на десерт, белое вино с чурчелой! И все это под звуки тара. Вот тебе и Паганини! Тут, уж не только Москва должна у нас поучиться!" — Сэпе — повар-грузин в подвальчике при нашем дворе, где давали отличный хаши, делал неплохие шашлычки и вкусное сациви и купаты. Соседи двора иногда пользовались его услугами для угощения своих гостей хашем, шашлыком — мцвади и "татариахни"- наскоро приготовленным блюдом из имеющихся под рукой продуктов.

Худ Оскар Шмерлинг. Шашлыки.

Это была колоритная личность. Небольшого роста, круглый, с такой же идеально круглой, как бильярдный шар, без единого волоска головой, в белом халате и высоком колпаке, добрый и улыбочивый, он был любимцем нашего двора. Сэпе очень дружил с моим отцом, видимо в душе надеясь, что он все же найдет для него средство по отращиванию волос. Он очень переживал отсутствие шевелюры, хотя лысина ему шла, и трудно было представить его с волосами. Отец не хотел его расстраивать и разуверять в тщетности желания, но всегда говорил: - "Сэпе джан, зачем тебе волосы на голове? Ты и так очень красивый! Ты думаешь волосы во всех случаях хороши? Тебе они будут только мешать, создавая лишние проблемы, попадая в хаши, — ты думаешь это понравится твоим посетителям? Вот наш Серго, твой коллега. Вай, как он мучается со своей густой шевелю-

рой! Как она мешает ему работать! Ты знаешь, как он меня умоляет найти средство, чтоб они у него все выпали и больше не росли?! А тебе сам бог помог! К тому же, Сэпе джан, если бы я знал средство, то помог бы самому себе" — с грустью добавлял отец. И Сэпе на время успокаивался.

— Услугами Сэпе соседи пользовались нечасто — женская половина двора была не менее искусна в кулинарии. Причем у каждой домохозяйки было свое коронное блюдо. Очень вкусно готовили и бабушка с мамой. Я любил наблюдать за этим процессом, особенно когда за газовой плитой, у себя на кухне, орудовала тетя Тамара — бабушка Робика. Маленькая, худенькая, она ловко и быстро, одновременно на четырех конфорках газовой плиты, готовила пищу, то и дело поднимая и с шумом опуская крышки кастрюль, перемешивая содержимое половником, напоминая мне виртуоза за ударными инструментами. Когда бабушка жарила в большой, старой чугунной сковороде котлеты, их аромат ощущался и во дворе, а дедушка, заходивший с улицы во двор, в такие минуты ускорлял шаг. Он очень любил котлеты приготовленные Анной, запивая их, с огромным наслаждением, пивом. Пиво он обожал и не отказывался от него и в весьма преклонном возрасте, несмотря на запреты врачей. В комнатах и на кухне у нас было несколько глубоких стальных ниш — шкафов с закрывающимися дверцами. В одном из них хранились различные напитки — столовые вина, наливки и вишневки, лимонад, боржомская вода и, конечно, пиво. Для торжественных случаев имелась бутылка армянского коньяка. После запрета врачей на пиво, Зарик взяла контроль этого шкафа на себя. Но дед просил меня брать несколько бутылочек пива в бакалейной, рядом с нами. Аккуратно снимал с них этикетки, заменяя лимонадными. Только меня он посвятил в эту свою уловку и очень радовался, что ему удавалось, не огорчая Зарик, нас-

лаждаться своим любимым напитком. Я же, долгое время, не мог понять удовольствия от пива, вина, тем более водки или коньяка. Зачем пить эту невкусную смесь, когда есть лимонад и воды Лагидзе?!— думалось мне.

Отец

— Отец был прекрасным рассказчиком сценок из тифлисского быта. Он дружил не только со своими собратьями по ремеслу, но и с врачами, известными спортсменами, писателями и поэтами. Любил рассказывать о встречах с ними. Часто встречался он и с народным поэтом Грузии, академиком Иосифом Гришашвили. Бывал у него дома. Рассказывал, что у поэта дома огромнейшая библиотека. Но обижался, что тот не разрешил ему взять для меня почитать одну из книг. Академик, очень мягкий человек, типичный старый тифлисец, смущенно отказал в просьбе, сказав отцу, что лучше пусть мальчик сам приходит к нему, когда захочет и читает любую книгу здесь же, у него дома. Как жаль, что я не воспользовался таким случаем! Мне только посчастливилось видеть несколько раз этого всеми любимого поэта в подвальчике "Симпатия", что находился на нашей улице, в 20-30 метрах от дома. Отец любил после бани, по дороге домой, заходить в этот подвальчик. Бывал с ним и я, и мне там все очень нравилось — и атмосфера, царящая вокруг и, в особенности, овальные портреты царей, полководцев, поэтов, нарисованные по всем стенам этого удивительного, но, к сожалению, давно канувшего в Лету, вместе с этими портретами, старотифлисского духанчика. Уже гораздо позднее, я узнал, что портреты эти рисовал довольно популярный, а ныне практически забытый, тифлисский художник Карапет Григорянц, расписывающий духаны, как и всемирно известный Нико Пиросмани. "Симпатию" любили посещать, в свое время Есенин, Маяковский, Паустовский, Эренбург...

Худ. Вагаршак Элибекян. Тбилиси. Метехский квартал.
Из частного собрания. Публикуется впервые.

Худ. Вагаршак Элибеян. Тбилисская зима.
Из семейного собрания В. Элибеян. Публикуется впервые.

Там же, когда-то, чествовали композитора Александра Спендиарова, после премьеры его оперы "Алмаст". Вот там, в "Симпатии", я видел и запомнил, хоть был еще совсем ребенком, Иосифа Гришашвили, скромно сидящего за столиком. Запечатлелось, как он с неприкрытым детским любопытством, прислушивался к шумным разговорам и тостам, многоголосому пению. Только позже я узнал, как безнадежно был он влюблен в свой старый город — в его колорит, мелодию и фонетику. Общение с его простыми горожанами и рождали высокую поэзию. Здесь не могу не вспомнить, как совсем недавно, к своему счастью и ужасу, я увидел у продавщицы семечек — Офик, в ереванском дворе, где теперь живу, книгу поэта, ставшую давно библиографическим раритетом, бесценный плод всей его жизни и гимн любимому городу, - "Литературная богема старого Тбилиси". К ужасу потому, что, опоздай я немного, книга эта ушла бы под бумажные кулечки для семечек! Поистине богемная судьба богемной книги!

— А вот, уже совсем другая история, рассказываемая отцом. Один из его друзей во время Великой Отечественной войны был призван в армию и проработал всю войну поваром в тылу. Получил даже медаль и очень ею гордился. После окончания войны, демобилизовавшись, он возвращался через Москву на родину, в Тбилиси. Предстояла пересадка на "Курском" вокзале. Поезд запаздывал на сутки. Была зима. Знакомых в Москве у него не было и надо было переночевать на вокзале. "Курский" вокзал был переполнен людьми, — старики, дети, женщины, солдаты, возвращавшиеся с фронтов. Яблоку негде было упасть, не то чтоб устроиться и поспать на скамейке. Тут, наш воин вспомнил о медали, висевшей на гимнастерке, под шинелью. Отойдя в сторонку, он перевесил ее, закрепив поверх шинели. Теперь другое дело! Теперь его должны обязательно заметить и уступить место,

как одному из героев войны! Тем более, что среди ожидавших, он ни у кого не видел медали. Сделав это, он довольный, стал расхаживать по вокзалу, ожидая, как ему казалось, должной реакции. Но напрасно, никто не обращал внимания на нашего вояку. — Наконец, он заметил одного молоденького, щуплого на вид солдатика, дремавшего на скамье. "Вот он знает цену медали и обязательно должен уважить и уступить мне свое место" — подумал он. Подойдя к солдату, он стал расхаживать перед ним, выставив вперед грудь с висевшей на ней медалью. Солдат спокойно сидел и никак не реагировал. Терпение нашего героя иссякло. Он, подошел уже вплотную к солдату, встал к нему лицом и выпятил грудь, указывая рукой на медаль — мол, не видишь, кто перед тобой стоит! Тут уж не выдержал солдатик. Резко встав, он широко распахнул свою шинель. Под ней на гимнастерке, по всей груди, блестели ряды боевых орденов и медалей! Нашего горе-вояку, как ветром сдуло, и он, после этого поучительного случая, больше никому не показывал эту свою медаль.

Телевизор

— В один из зимних вечеров, тетя Теда, возвратилась с работы в сопровождении двух ребят, занесших в дом большой картонный ящик. В нем был телевизор! Первый телевизор во всем нашем дворе! Как мы, всем двором, ждали первой передачи! Те, кому приходилось уже видеть это чудо 20 века в Москве, наперебой рассказывали, что это за штука. Но я все равно не мог себе представить, как на таком маленьком экране могут развернуться люди, автомобили, самолеты, в особенности морские корабли. Наконец, настал долгожданный день — самая первая передача тбилисского телевидения. За час до начала у нас дома собрался почти

весь двор. И на голубом экране "Темпа-2" появилась первая дикторша, начав первую телевизионную передачу. Затем показали приключенческий фильм. Впечатление было неопишным. Я был вне себя от счастья. А самое главное, теперь моими частыми гостями были мой друг Робик и, конечно, Нона.

Бабушка

— На время телевизор заслонил для нас все остальное. Но только на некоторое время. Магическая сила двора была сильней. Неожиданно заболела бабушка. Ее уложили в постель, вызвали врача. Он сказал, что у бабушки желтуха. Было непривычно видеть ее — энергичную и жизнерадостную, источающую доброту, больной, в постели. Бабушка порывалась встать, убеждая, что здорова, но все настаивали на лечении. И оно началось. В доме запахло аптекой. Бабушка пила кучу лекарств, ей делали уколы. Время шло, а бабушка не выздоравливала. Она все худела, стала совсем желтой. Ее поместили в больницу. Вскоре выписали домой. Но бабушке становилось все хуже и хуже. На лето ее увезли в небольшой дачный городок — Степанаван, где она родилась. Как-то отец сказал, что надо съездить к бабушке — она хочет меня видеть.

— Когда мы приехали — бабушки уже не было...

— Проводили ее в последний путь всем двором. Это была моя первая потеря родного человека.

— Вернувшись с кладбища, я взглянул на унаби, и у меня мелькнула мысль, что ведь и он когда-нибудь совсем состарится и... Но я отогнал эту, как мне показалось тогда, нелепую мысль. Ведь жизнь вокруг, несмотря ни на что, казалась бесконечной...

Без Ноны

Вскоре, родители Ноны получили квартиру в новом районе города, и она покинула наш двор. Без нее, для меня, во дворе стало очень грустно. Но я утешал себя тем, что могу видеть ее каждый день в школе. Но, увы, через месяц она перешла в другую школу, поближе к своему новому дому и больше я не видел Нону.

- На этом кончилась моя первая, так и не высказанная любовь.

"Битлз" и... "Биржа"

— Придя со школы, я решил сразу закончить с домашними заданиями на следующий день, чтоб быстрее пойти к ребятам на "биржу". Сестра — Аня, учившаяся в той же школе, была уже дома. Увидев меня, с интересом спросила: - "Ну, как сегодня дела?" Я небрежно достал из карманов кучу записок от девочек нашего класса, в основном от Нельки, и протянул сестре. Нелька появилась у нас в классе недавно и сразу стала задавать тон в лагере девчонок. До этого она жила с родителями в Германии, где ее отец дирижировал военным оркестром, и вот приехала к нам. Вопрос полов уже был для нас самым актуальным. Настала пора наших школьных вечеров и танцевальных вечеринок. В молодежных компаниях, с бобин появившихся магнитофонов, во всю гремели буги-вуги и рок-н-ролл, чарльстоны и блюзы — Литтл Ричард, Элвис Пресли и Рей Чарльз, Поль Анка и Клифф Ричард. Затем ворвались Битлы. Первый раз я, случайно, увидел их фотографии с обличительной заметкой в сатирическом журнале "Крокодил". Тут же поинтересовался у ребят об этом квартете, но никто толком ничего не знал. Посоветовали узнать у знаменитого в то время тбилисского меломана и подпольного распространителя

"Yesterday" в нашем дворе: Эдик Атоям, Гриша Арутюнян, Робик Зарафьян (ударник).

крамольных музыкальных записей, Эмиля. За эту деятельность он даже удостоился фельетона в "Вечернем Тбилиси" или как мы ее называли "Вечерке" - популярной газете, выходящей каждый вечер. И вот, наконец, с долгожданной кассетой с записями "Битлз" и несколькими черно-белыми их фотографиями "от Эмиля", я появился на очередной нашей классной вечеринке. Ребята были в восторге. Первые же аккорды ввели нас в шок. Это был не слащаво-буржуазный блюз и рок-н-ролл, который мы слушали раньше, а нечто новое, задиристое

и от души. А исполняли не признанные мэтры мировой эстрады, а доселе никому неизвестные ребята на трех гитарах и ударнике. Без всякой оркестровки, на простых аккордах, сочиненные ими же песни! Это были свои парни. Девушки встретили мою находку без особого энтузиазма, требуя включить записи Поль Анки и Адамо. Но этому квартету суждено было совершить настоящую революцию в рок-музыке и добиться, как бы к ним не относились, всемирного признания и уважения. А вскоре и у нас появились первые битники, сменившие стилиг.

Это отразилось и на моей прическе — а ля "Битлз" и гитарном репертуаре, а брюки-дудочки уступили место клешу. Но у нас в городе битломания и, появившееся позднее, движение хиппи не приняло массового характера. Большим уважением пользовались у молодежи так называемые "штатники", — имелось в виду подражание в стиле одежды и манерам поведения американским джазменам.

— У нас с ребятами была тогда и своя, так называемая, "биржа" — прямо у нашего дома — в небольшом скверике имени Пушкина, у бронзового бюста великого поэта. Мы выбрали это место для наших встреч не потому, что уж очень увлекались в то время поэзией. Рок-музыка, первые гитары, магнитофоны, девочки, культуризм — на время затмили для нас все остальные духовные ценности. Просто это было очень удобное место. А назывались такие места для встреч молодежных групп по интересам в нашем городе — "биржей". Соответственно, мы считали себя "биржевиками" Пушкинского сквера. Конечно, ничего общего с настоящей биржей это не имело, а было просто романтической игрой, как и многое в юности.

Нелька

— Вечером мы встретились с ребятами, чтоб обсудить тактику игры с одной из сильнейшей футбольной командой нашей школы. От этой игры зависело, кто будет чемпионом школы. Для меня игра эта имела еще большее значение. В команде противника будет играть Нугзар Ширяев, а это значит, обязательно, придет "болеть" и Нелька. Они давно дружили с Нугзаром, переписывались, когда она жила в Германии и теперь открыто встречались. Нелька считалась девушкой Нугзара, но это не мешало ей с первого же дня своего появления в нашем классе осыпать меня недвусмысленными записками, И я не знал, как себя вести. Она мне определенно

нравились. Я ей, по всей видимости, тоже. Конечно, это было совершенно иное чувство, чем то, что я испытывал к Нуне. Я знал, что нравлюсь многим девочкам и не только нашего класса, но ни с кем серьезно не дружил. В их обществе чувствовал себя, почему-то, скованно, был неразговорчив, робок. Но это, к удивлению, еще более распяляло их любопытство. Они видели во мне этакое флегматичного романтика, и я с удовольствием принимал эту роль, не требующую от меня никаких усилий. Но девочек это, видимо, устраивало не всегда. Как-то, одна из них, кокетливая красавица, намекнула мне, что будь я немного смелей — карьера Дона Жуана мне обеспечена. А я к тому времени еще ни разу даже не целовался ни с одной девочкой! Об этой, столь естественной стороне человеческих отношений, черпали мы свои познания, в основном из книг и кинофильмов. Успех любого фильма с припиской — "детям до 16 лет вход строго воспрещен" — был обеспечен. Мы штурмом брали кинозалы, нас ловили и выпроваживали, но мы смотрели через щели летних кинотеатров или с верхушек деревьев. Прекрасный, слабый пол был на самом деле всесилен. Эти впечатления дополняли и рассказы ребят постарше о своих мнимых и действительных амурных похождениях и победах, в особенности после поездок на море. Мне казалось, что стоит и мне поехать летом на море, а не в деревню к тете, и завеса над жгучей тайной будет открыта. И я стал уговаривать отца разрешить эту поездку.

— С Нелькой же я разошелся до того, что осмелился затащить ее на заднюю парту. Весь класс с интересом следил за нами, а я сидел как чурбан и ничем не мог ее развлечь. Она кокетливо строила мне глазки, шуршала капроновыми чулками, пиная меня при этом своей мягкой коленкой. Ее полуоткрытые бедра, коленки, были так близки и соблазнительны, что и терял дар речи. Я проклинал себя за эту затею и молил бо-

га, чтоб только не вызвали меня отвечать урок к доске. Но в то же время в голове сверлила назойливая мысль — положить руку на это чудо-Коленко, как это делали в фильмах или на скамеечках в Александровском саду. Но я старался отогнать эту дикую мысль — ведь, как мне казалось, этим я оскорблю и очень обижу Нельку. Она страшно обидится. И я сдержал свои порывы. На следующий день, набив сумку своими летними фотографиями и марками, приготовив несколько забавных историй, остроумных фраз и реплик из последних фильмов, я вновь устроился с Нелькой на задней парте. И все пять уроков был, как мне казалось, на высоте. Ребята одобрительно мне кивали. Нелька улыбалась. А я думал: — Хорошо, что вчера не поддался соблазну. Но, когда через пару дней, на экскурсии в Ботаническом саду, случайно, увидел, как она целуется в кустах с Нугзаром, и как он ее при этом ощупывает, то понял, что непростительно ошибся. Я презирал себя за трусость, но момент был упущен. Нелька, в последнее время, как будто, стала меня избегать, хоть и периодически давала понять, что я ей все так же нравлюсь.

Друзья

— На "бирже" встретились Артем Энгоян, Сергей Ванецян и я. Герцен Алелов, так звали нашего четвертого друга, не пришел. Мы учились в одном классе и были неразлучны. Робик продолжал, естественно, оставаться моим другом, но он учился в другой школе, и у них была своя "биржа", а дворовая жизнь отошла для нас на второй план. Робик говорил, что мы из нее выросли. Артем был заводилой в нашей четверке. Он до самозабвения занимался штангой. Стал даже рекорсменом среди юношей в республике. Своим энтузиазмом к штанге он заразил и Сергея с Герценом. Меня же больше привлекали игровые виды спорта, а фон из трех штангистов

гарантировал мне защиту от многочисленных уличных забияк. Футбольный турнир был затеей Артема. Артем считал, что у него слабоваты мышцы ног, а футбол для этого весьма полезен. Вот он и предложил школьный турнир по футболу.

— Пройдясь немного по проспекту Руставели, мы свернули в свои любимые узкие улочки-лабиринты. Здесь нам все было знакомо и досконально изучено. Мы знали все подъезды, тайные проходы, проходные дворики, тупики и переулки. Наш мир уже сместился из маленьких двориков, для которых мы, вероятно, действительно выросли, в эти причудливые улочки старого города. Их трудно представить по описаниям и рассказам. По ним надо пройти, пройти медленно, не спеша, вдыхая запах и аромат липы, сирени, свежего пури и кислого вина из винных подвальныхчиков, вбирая в себя неповторимый гортанный говор его горожан, где и в простом диалоге слышна мелодия. Правда, тогда все это казалось нам само собой разумеющимся, а не божьей благодатью.

Сторож дядя Георгий

— Уже начинало смеркаться, когда мы подошли к школе. Там, в ее дворе, мы обычно заканчивали свои вечерние прогулки и обсуждение. К нам присоединились и остальные ребята нашего класса — Леша Китайник, Сулико Даниелов, Кокки Николаишвили, Эдик Тарахчян, Жора Теймуразов, Сурик Галуетов, Алик Мулкиджанян, Норик Арабаджян и Боря Асланов. Это был костяк нашей футбольной команды.

— Вот и она, наша школа. Кирпичное здание, в готическом стиле, было прекрасно. Когда я слышу сейчас слово — "школа", то сразу вспоминаю, с гордостью, это здание. Я горжусь, хоть в этом и нет моей заслуги, что учился именно в этой школе за номером 66, не менее известной в городе, чем находящаяся выше, в ста метрах по той же улице Энгельса, носящей

Ребята нашего класса. Это было весной 1965 г. в Тбилиси на улице Энгельса.

раньше имя князя Бебутова, знаменитая 43-ая школа, построенная богачом-меценатом Манташевым. Наша школа имела более чем вековую историю. Она была открыта в 1865 году, как первая на Кавказе женская гимназия и являлась таковой долгие годы, став уже гораздо позднее, в советское время, общеобразовательной русской школой с совместным обучением обеих полов. Кстати, на улице Энгельса, был раньше и знаменитый туманяновский "Вернатун" - где встречались армянские, и не только армянские, писатели, поэты, художники. В одном из домов на этой улочке, жили и семьи братьев Орбели и Виктора Амбарцумяна - всемирно известных академиков. На этой же тихой улочке находился дедовский дом известного голливудского режиссера Рубена Мамуляна, и Артема Гюльбекия — представителя знаменитого рода, успешно ведущего дела фирмы "Галуст Гюльбекия" в Закавказье.

- Все в нашей школе было значительно, — начиная со сторожа — дяди Георгия. Слово "сторож" ему как-то не шло, во всяком случае, в теперешнем его понимании. Он был для нас неким символом, с такой же богатой биографией, как и у школы, охраняемой им. Аккуратно одетый, чисто выбритый, со щегольскими усами, он всегда был на своем месте. Приходил раньше всех, уходил запоздно, последним. Жил он один, недалеко от нас. Почти каждый вечер я видел, как дядя Георгий, неторопливо возвращался домой по ярко освещенной улице Пушкина, где мы жили. Шел, очень медленно, видимо мысленно расставаясь с еще одним прожитым днем в своем любимом городе.

Без Нельки

— Игру мы тогда проиграли. У меня была хорошая возможность забить решающий гол, но я больше смотрел на Нельку, чем на мяч. Они ушли с Нугзаром после игры радостные и возбужденные. Уходя — обернулась и незаметно от своего спутника озарив меня своей многообещающей улыбкой, скрылась в проулке. Вскоре Нелька, вновь, уехала с родителями в Германию, и я больше ее не встречал.

Теда

— Дома, по вечерам, я пересказывал сестре свои дневные похождения, хотя она и была о многом в курсе — ведь мы учились в одной школе. Особенно любила, эти мои пересказы тетя Теда. Она была очень доброй и веселой. С ней было гораздо проще, чем с Зарик, кажущейся нам не столь общительной, и очень строгой. Как мы глубоко ошибались! Зарик по настоящему мы с сестрой узнали позже, немного повзрослев и заново открыв для себя всю ее внутреннюю глубину и способность на большие

Зарик, Теда и режиссер Завен Татинцян
(сидит) на прогулке. Тбилиси.

чувства. А Теда всегда была рада с нами повозиться. Правда, после смерти бабушки у нее тоже начались неполадки со здоровьем. Она стала часто болеть. Зарик водила ее к врачам, но Теде лучше не становилось, хоть и веселье, оптимизм не покидали ее. Как-то мы пошли с ней на спектакль в театр им. Грибоедова. Там было много знакомых, и Теда, почему-то, все время кусывала губы. Я спросил, зачем она это делает? Она

ответила, что не хочет портить людям настроения своей болезненной бледностью губ. Тогда же она сказала, что хочет подарить мне на день рождения магнитофон. Радости моей не было предела. Вскоре "Астра-2" уже стоял на моем письменном столе. Первые записи, конечно, были речевые — говорил я, сестра, отец, дедушка. Затем Теда попросила записать ее отдельно. Она читала стихи, рассказывала народные прибаутки — весело, с юмором. Получилось неплохо.

— Только спустя много лет я понял истинную причину ее желаний. Она знала о своей неизлечимой болезни и хотела остаться с нами хоть голосом на магнитной ленте...

— Сейчас у меня другой магнитофон и другие записи, но хранится и эта старая кассета с родными мне голосами.

— Теда долго мучилась, не желая расставаться с жизнью. Опять приходили и уходили врачи..

Думы на унаби

— После похорон Теды, вечером, я взобрался на старое, совсем уже скрюченное унаби, стоящее уже на двух деревянных подпорках, и долго размышлял. О чем? Наверное, о многом. И может в этот день, я решил стать врачом и избавиться человечество от недугов? Мечты, мечты всесильной юности.

— В тот вечер, сидя на унаби я, вдруг, увидел, как сильно изменился наш дворик. Он стал еще меньше, появилось много пристроек — всем нужны были дополнительные удобства. Пристраивались кухни, расширялись комнаты. И все это, в основном, за счет нашего дворика, кстати, давно заасфальтированного. Унаби, росший почти в центре двора, теперь оказался у кирпичной стены, выстроенной настырной соседкой.

— Многое изменилось в планах на будущее и у нас с ребятами. Робик готовился поступать в консерваторию. Артем собирался в Москву для поступления в технический вуз, Сергей — в Киев, в авиационный институт, а Герцен в Пермь, в медицинский. Я выбирал между историческим и юридическим факультетом. Все более и более занимала меня и медицина.

Парк "Ривьера"

— Но впереди были еще последние летние каникулы и я, наконец, увидел море! Мы поехали к нему с мамой, сестрой и моими друзьями — Артемом, Сергеем и Герценом. Море появилось за окном мчавшегося поезда неожиданно просто и буднично. Я тщетно вглядывался в узкую морскую полосу, видимую из окна поезда и — ничего. Затем полоса исчезла — поезд огибал какую-то возвышенность. И вдруг, предо мной, как в сказке, чудом, открылось море, о котором я грезил.

Мы пробыли там недолго, всего полмесяца. У меня в этой поездке, была и своя, сокровенная и как я думал, исходя из рассказов многих ребят, легко исполнимая для любого парня мечта,— познать настоящую любовь женщины. Мне казалось, по тем же курортным рассказам, что стоит только показаться на пляже или на танцах, вечером, в знаменитом сочинском парке "Ривьера", как все девушки бросятся на тебя — только выбирай! Но я быстро понял, что это далеко не так. Было, действительно, много красивых женщин и девушек вокруг, но никто не обращал на меня особого внимания. В жизни ничего не дается легко и просто. Все нужно заслужить. Но мы были очень молоды и считали, что и так заслуживаем всего. И ведь, были правы! Молодость — вот в чем была наша главная и неоспоримая заслуга.

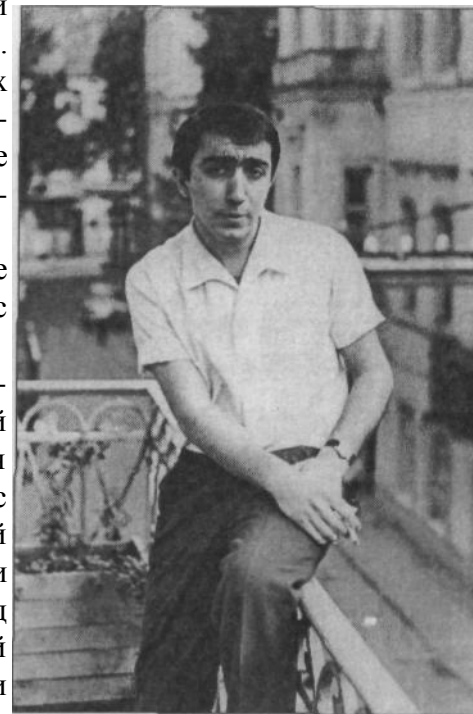
— Правда, у меня тогда дальше поцелуя дело не пошло, но ведь все только начиналось! Мы познакомились и подружились с очень хорошенькими местными девочками, тоже школьницами, и в последний вечер, наутро мы уезжали, долго гуляли с ними по чудному курортному городу. Затем устроились на скамеечке, в аллее, под каштанами Я робко приблизил к себе свою подругу и поцеловал — сначала в щечку, затем в губы. Это был первый в моей жизни поцелуй. Она крепко ко мне прижалась, и мы еще долго целовались под звездной россыпью южного неба и тихой, отдаленно слышимой, музыкой морских волн. Когда расставались, она протянула мне почтовый конверт, попросив вскрыть его после ее ухода. Открыв конверт, я увидел небольшой сложенный пополам кусочек бумажки с записанным на ней адресом. А ниже — приписка:— "Я люблю тебя. Вера"... Мы переписывались несколько лет, но, увы, так больше и не встретились.

Прощай, детство...

Последний учебный год пролетел очень быстро. Началась пора выпускных экзаменов. Стал прихварывать и дедушка. А я уже твердо решил сдавать в медицинский институт. Предстояло расставание не только со школой, но и с родным городом.

— Однажды, когда экзамены и выпускной вечер были уже позади, я возвращался домой с очередной вечерней прогулки. Мы с друзьями встречались перед предстоящей разлукой каждый вечер — строили грандиозные планы на будущее, мечтали, пили легкое вино на "брудершафт" на берегу чудной Куры.

— Войдя во двор, я потерял дар речи — два дюжих молодца, под руководством нашей неугомонной соседки, пилили старое унаби... Соседи стояли и смотрели, молча и понуро. В последнее время я мало бывал во дворе и не знал, что унаби давно обречен. Вот, настал и его черед. Оно было уже наполовину спилено, когда, вдруг, будто увидев меня и решив схватиться за последнюю соломинку и надежду,

"Налетела грусть...", Г. Арутюнян.
Тбилиси. 1970-е годы.

унаби, как безнадежно больной человек, издал хруст, напоминающий стон, наклоняясь в мою сторону. Его суховатые ветки, похожие на беспомощные, иссохшие руки умирающего, протянулись ко мне. Я хотел крикнуть, броситься ему на помощь... Но ком подкатил к горлу. И я понял, что опоздал...

— Унаби лежал у самих моих ног.

— У ног лежало, и я прощался с ним, и мое детство.

— Детство, кончающееся так же неожиданно, как закончил свой век в нашем дворике старый и добрый унаби.

1981 г.

Арсен Аваков с семьей и фотографией своей бабушки в руках.
Тифлис. 1920-е годы.

ПУШКИНСКАЯ 19

"...Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется, опять,
От этой невозвратности кричать".

Е. Евтушенко.

Аповин Хечо

— У бедняка Хечо умирала жена. Тусклый свет лучины, дгорающей в холодной комнатушке, падал на ее бледное лицо. Она была еще очень молода, хоть и успела родить ему троих мальчиков. Младшему, Вагаршаку, было чуть больше года. Он делал свои первые шаги, наблюдая с широко раскрытыми детскими глазами за происходящим в этом удивительном мире. Старшие — Николай и Сурен, опустив головы, молча переживали с отцом грянувшее несчастье. И вокруг стояла зловещая тишина, изредка прерываемая отдаленным, волчьим воем. Последними словами умирающей были: "Хечо джан, позаботься о детях... Не дай погибнуть маленькому Вагаршаку. Обещай, чтоб я ушла спокойно"...

—И Хечо обещал.

—Прошло несколько лет. Время было тяжелое, голодное, в особенности в Зангезуре. Оторванный от мира уголок, под носом у младотурков, устроивших варварскую резню людей на глазах изумленного, но равнодушного и алчного мира, ге-

роически боролся и выживал в одиночку. Боролся за выживание и Аповин Хечо — так его называли, по имени его деда — Апо. Брался за любую работу, лишь бы прокормить детей. Но одному было очень сложно. И он привел в дом другую женщину. Она родила ему еще двух мальчиков — Смбага и Сергея и девочку. Для маленького Вагаршака настали трудные времена. Мачеха, не смея пререкаться со старшими пасынками, отыгрывалась на нем. Отца и братьев целыми днями не бывало дома, и мальчик был в полной власти чуждой ему женщины. Она не давала ему ни минуты покоя. Ему приходилось делать всю работу по дому, тащить дрова и воду, в отсутствии мачехи присматривать и кормить малышкой, самому оставаясь полуголодным. Отец, часто выполнявший всякую поденную работу за харчи, выкраивал их, чтоб принести что-то домой и тайком от жены отдавал мальчику.

— В Армении установилась Советская власть. Вагаршак пошел в школу. Он был любознателен, тянулся к знаниям. Но заниматься дома не было никакой возможности. Мачеха раздражалась, когда видела его за уроками, жаловалась мужу, что мальчик ленив, делает все, чтоб не работать. Она поручила ему пасти соседских коз. Он делал это с удовольствием. С козами было легче — они паслись себе в горах, а он имел возможность немного подзаняться. Чертил палочкой на песке или ровной земле таблицу умножения, учился писать. Позже научился, выдавливая какие-то синие ягоды, росшие повсюду, получать подобие чернил и тонкой тростиночкой писать ими. Так прошло еще несколько лет. Сурен и Николай как-то устраивали свою жизнь. Судьба же Вагаршака не давала покоя Хечо. Мальчик был доверчивый, послушный, лиричный и очень наивный. Вместе с тем в нем была ключом неумная энергия. Что мог предложить ему Хечо? Всю жизнь пасти чужих коз или подковывать осликов и лошадей, как он? Хечо

в последнее время часто хворал. Что ожидает мальчика, когда его не станет? Кругом голод и разруха. Сурен и Николай хоть уже повзрослели. У Смбата и Сергея есть мать. А Вагаршак останется сиротой. Разве этого просила перед смертью его бедная жена? Он каждый вечер тайком обливался слезами, глядя на растерянные и доверчивые глаза своего любимого сына. Мачеха без стеснения гнушалась над ним. Проклинала и била метлой, если, не дай бог, замечала, как он, голодный, отрывал кусочек лаваша. Ночами жаловалась мужу и *отчитывала за поблажки с его стороны*. Вагаршаку с третьего класса пришлось оставить школу. В лохмотьях с чужого плеча, босой летом или в треках старших братьев, он пас чужой скот. Спасала только суровая и величественная зангезурская природа. Он мог часами смотреть на камни, горные реки и родники, вековые скалы, выдолбленные в них пещеры, где когда-то, да и в то время еще, жили люди. Питался ягодами, пил с удовольствием кислую минеральную воду — тту джур, бьющуюся ключом из-под земли. А поздно вечером, возвратившись домой, не смея заикнуться о еде, дожидался отца. Только увидев его, в глазах мальчика мелькала радость и надежда, и он засыпал. А Хечо все думал и плакал... Он вспоминал свою нелегкую жизнь, покойного брата Вартана, его сына Арсена, тоже росшего сиротой — воспитывала его бабушка, царство ей небесное. Арсен, обосновался в Тифлисе, где его приютили добрые люди, нашли невесту. Теперь у него есть работа и крыша над головой в этом большом городе. Он все это писал в письме к Хечо. Как он был рад за племянника! Он нашел дорогу в жизни, стал достойным человеком. Хечо часто думал об этом, и к нему пришло спасительное решение. Он решил написать, вернее, попросить кого-то написать — сам он не владел грамотой, письмо Арсену в Тифлис. На конверте, да и в письме есть его адрес: Тифлис. Пушки-

нская 19. Он попросит племянника взять мальчика к себе. Конечно, это будет нелегко. Сам Арсен еще молод, только, только обосновался в городе, у него две дочери. Пусть Вагаршак станет ему сыном. А если нет — племянник постарается помочь ему выжить на первых порах — тем более мальчик очень покладистый и неприхотливый. Это его единственный шанс, единственное спасение. Так думал про себя Хечо и, не поделившись ни с кем своим решением, приступил к его осуществлению.

*Тифлис. Эриванская площадь**

— Тифлис конца 20-х прошлого века. Эриванская площадь. В одном из двориков на улице Пушкинской уже несколько лет жил, с семьей, Арсен Вартанович Аваков. Дали ему это жилье после установления Советской власти в Грузии. Он тоже, особенно в начале, был увлечен идеями большевиков и внес свою, посильную лепту в их борьбу — выполнял партийные задания в Персии, Шерабхане под руководством Тенгиза Жгенти и Александра Бебуришвили. В 1919 году был арестован вместе с Филиппом Махарадзе, очень известным грузинским большевиком. Он же, Филипп Махарадзе, вместе с видными деятелями партии А. Бежановым, Л. Думбадзе, С. Джугели и Атасяном, рекомендовали и дали характеристику Арсену Авакову для вступления в партию. Немаловажную роль в выборе Арсена Авакова сыграло знакомство с Анастасом Микояном — в дальнейшем одного из ярких, незаурядных деятелей не только Советской, но и мировой политики. Ведь в Тифлисе, куда Арсен приехал после окончания службы в армии, его совершенно незнакомого солдата приютила семья

* Эриванская площадь — площадь Ленина. В настоящее время площадь Свободы (прим, автора).

Арсен Аваков и Анна. Тифлис.

Лазаря и Вергине Туманян. Жили они тогда в одном из самых заброшенных кварталов города Хеви Сурбкарпетском овраге. У них было четверо детей — три дочери — Ашхен, Манник и Айкуш и сын Гайк (Гай) — будущий боевой генерал-лейтенант. Вергине Туманян, прекрасная, умная женщина, сочувствующая большевикам, приходилась тетей Анастасу Микояну. Анастас и его младший брат Артем часто гостили у тети Вергуш и дяди Габо (так называли близкие Лазаря Туманяна). В этот период и познакомился Арсен

с братьями Микоян. Одна из дочерей Туманянов — Ашхен, стала вскоре женой Анастаса Микояна, несмотря на близкое родство между ними. Она родила и воспитала пятерых сыновей, ставших достойными гражданами страны, и прожили они, в любви и согласии, долгую, интересную и не простую жизнь. Позже, Арсен женился на двоюродной сестре Ашхен — Анне Мануковой. У них родились две девочки. Симпатии Арсена к Советской власти сказались и в выборе имен дочерей. Младшей он дал имя — Совет — и называл ее только так. Все остальные звали ее Седа или Теда. Старшую дочь, он назвал Зарик, ассоциируя с революционной зарей, восходящей на Востоке.

— После установления Советской власти в Грузии Арсен Аваков постепенно переходит к мирной жизни и овладевает ремеслом портного. Лазарь Туманян еще в 1918 году приобретает для Арсена, которого очень любит, швейную машину "Зингер", за 465 рублей. Это были тогда большие деньги, но Лазарь очень хотел помочь мальчику-сироте. Сам он был приказчиком и мечтал открыть свое дело. Но это ему так и не удалось. Он был чересчур честен применительно к законам бизнеса. Арсен успешно сдает экзамены по классу европейских портных. Цех портных в то время делился на специалистов по европейскому, азиатскому и грузинскому национальному костюму. В 1920 году аттестационная комиссия амкарства портных Тифлиса, во главе ремесленной главы города и старшины цеха портных — усташем Акопджановым, выдают ему "Аттестат мастера по классу европейских портных с правом открыть свою мастерскую". Что он вскоре и осуществляет. Но просуществовала мастерская недолго. С завершением бурного периода — нэпа, она закрывается. Арсен решает работать на дому. Но заказов было очень мало. Чтоб прокормить семью, днем работает в аптеке, арендуемой В. И. Беньямовичем. Посильно помогает другу, опытному фармацевту Сетраку Маляну. Аптека эта так и называлась, как и улица, на которой она находилась — "Пушкинская аптека". Она принадлежала наследнику магистра фармацевтики Н. Е. Ионнисиану. Здесь не только готовились и продавались лекарства, но и делались анализы мочи, мокроты, женского молока и т. д. Вскоре и аптека эта закрывается и он работает в другой аптеке, в Сололаках. А по вечерам шьет.

— Однажды вечером, когда Арсен возвратился домой, Анна протянула ему почтовый конверт. - "Это от твоего дяди, Аповин Хечо", — тихо произнесла она. Арсен распечатал конверт и стал читать письмо вслух. Закончив, медленно поднял

глаза на Анну.— "Арсен джан, прямо сейчас напиши ответ. Пусть мальчика привезут как можно скорей!", сказала она, еле сдерживая слезы.

— Анна взбивала подушки на подоконнике окна комнаты, выходящей на Соломоновскую улицу*. За этим занятием, из окна, увидела двух солдат и растерянного подростка с узелочком в руках, озирающихся по сторонам. Увидев в окне Анну, солдаты спросили, — где улица Пушкинская? Анна поинтересовалась: — "А кого вы ищете?" — Сердце щемило и уже подсказывало ей что-то. "Нам нужен Арсен Аваков. Мы привезли к нему этого мальчика", — сказали они, ласково прижимая к себе подростка. Анна чуть не свалилась от радости, перевесившись через подоконник. "Подождите..., никуда не уходите..., вы правильно пришли... Это и есть дом Арсена Авакова.. Вы просто зашли не с той стороны.. Я сейчас выйду и открою вам ворота отсюда!.. Не надо обходить улицу".. — взволнованно повторяла она, с опаской отходя от окна, как будто боясь их потерять. Через несколько минут она открыла ворота со стороны Соломоновской улицы, впустив путников. Они прошли во двор, затем, поднявшись по деревянной лестнице на балкон, вошли в дом. Дома были только маленькие Теда и Зарик. Арсен еще не вернулся с работы. Анна напоила путников чаем, угостила, чем могла. Солдаты, убедившись, что попали по адресу, тепло попрощались со всеми, в особенности с мальчиком, с которым успели подружиться в нелегком пути, и отправились дальше.

— Все это время мальчик растерянно смотрел на происходящее вокруг. Тетя Анна заботливо за ним ухаживала, девочки бегали вокруг, что-то говорили ему на армянском, грузинском, русском, смеялись, тянули за шаровары, в особенности маленькая Теда.

*Соломоновская улица - позже улица Желябова (прим, автора).

Худ. В. Элибекия. Улочки Тифлиса

А Вагаршак ничего не понимал. Когда он пытался им что-то объяснить, девочки смеялись еще громче они тоже не понимали его. Анна пыталась их успокоить и переводить сказанное мальчиком. От своего мужа она успела научиться, немного, зангезурскому наречию. А Вагаршак, конечно, не знал ни русского, ни грузинского, ни тифлисского диалекта армянского.

— На балконе слышались шаги, дверь отворилась, и в комнату вошел Арсен Аваков. Он увидел мальчика, окруженного домашними. Их взгляды, хоть и виделись они впервые, радостно встретились, и они бросились в объятия друг к другу. "Вагаршак джан, Вагаршак"...— повторял Арсен. "Дай, Дай джан"...— вторил ему счастливый мальчик. Он называл его Дай, что означает, очень почтительно, — дядя, хоть они и были двоюродными братьями. Мальчик, придя в себя, стал без умолку говорить со своим Дай. Арсен что-то спрашивал его, он с удовольствием рассказывал и рассказывал. Рассказывал, как прямо с поля, где он косил траву, его забрали солдаты, пришедшие с отцом. Солдаты собирались в Тифлис, и Хечо попросил их взять с собой мальчика и доставить по данному адресу. Сам он был болен и не мог сопрово-

дить своего сына. Мальчика наспех собрали. Он успел попрощаться с родными, и отправился, с незнакомыми людьми, в долгую дорогу...

— Девочки с изумлением смотрели на них. Теперь уже они не могли понять их разговора. А мальчик все рассказывал и рассказывал единственному человеку, кто понимал его. Арсен был на седьмом небе от счастья. Он слышал свою родную речь!, свой любимый Зангезур. Больше всех радовалась Анна, видя, как счастлив Арсен. Она стала накрывать на стол. Но Арсен сказал, что они только немного перекусят и пойдут в баню. — "Анэт", — так он называл свою жену, — "ты лучше приготовь нам все для бани. Подбери все, что возможно из одежды и белья для Вагаршака. А пообедаем мы вернувшись".

Баня

— Арсен и Вагаршак с узелками в руках шли в баню. Они вышли на Пушкинскую улицу на Эриванской площади, затем через Армянский базар* — так назывался тогда этот район, спустились к Майдану — в царство знаменитых тифлисских бань. Теперь настал черед Арсена рассказывать и знакомить с городом мальчика. Арсен Аваков знал Тифлис очень хорошо. Знал каждую улочку с новым и старым названием, каждый дом, каждую лавку и духанчик с его хозяевами и историями. Он обожал Тифлис, свою вторую родину.

— Они пришли в Мирзоевскую баню. Банщик приветливо их встретил, дал отдельный номер. Конечно, Вагаршак был бы больше удивлен, зайдя в общие номера. Ведь он впервые в жизни попал в баню! И сразу в тифлисскую! Сказать

** Армянский базар — ул. Леселидзе, с сетью прилегающих к нему улочек. Главная артерия торгово-ремесленного центра Тифлиса. Вместе с Майданом — самая экзотичная часть города (прим, автора).*

по правде, он тогда не сразу понял, что это значит — не с чем было сравнивать. Дома он, если удавалось, купался только в корыте, а летом в речке, конечно без мыла, счищая грязь пористыми камнями.

— Под мощной струей горячей воды он стал торопливо мыться, думая, что вода может вот-вот кончиться. Он очень спешил. Мыло все время ускользало из рук, а намылившись, как назло не смывалось. Заметив это, Арсен, улыбаясь, сказал: "Не торопись Вагаршак, эта целебная вода послана Богом из природных источников. Она течет здесь веками. А мягкая и шелковистая она, потому, что в ней много полезной для кожи серы. Купайся спокойно, сколько хочешь. А сейчас лучше зайди в бассейнчик-хауз, он тоже в нашем распоряжении". Голос Арсена и без того мощный, звучал еще сильнее, благодаря сильной акустике. Мальчик все это время находился как во сне. Он еще не мог осознать происходящее с ним.

— Закончив с купанием, они немного отдохнули в предбаннике. Вагаршак переоделся во все чистое. Всю его старую одежду Арсен завязал в узелок и передал банщику. Поблагодарив, и попрощавшись с ним, они вышли на улицу. Был душный, летний, тифлисский вечер. Майдан был полон людьми, все были веселы и улыбались друг другу. Отовсюду — из ближайших домов, проезжавших фэтонов, доносились звуки зурны и пения. Перед духанами за столиками на улице сидели люди, шумно беседовали, произносили тосты. Арсен с мальчиком тоже сели за один из свободных столиков. К ним тут же подскочил веселый и забавный человек в широких шароварах. "Почет и уважэни, Уста Арсен! С легким паром! Но его нужно остудить! Чем пожалуйста сделать это?!". — "Спасибо, дорогой! Мне принеси, пожалуйста, как всегда, кружку пива, а для молодого человека — прошу любить и жаловать! — бутылочку холодного лимонада!". — "Сэ-

час, через час, сию минуту, генацвале!" - ответил веселый человек и исчез, но тут же, вновь, появился и поставил им на столик большую кружку с пивом и бутылочку с лимонадом. Достал пробочник и, ловко зажав бутылочку между ногами, стал вытягивать пробку. Раздался легкий хлопок. Он артистично наполнил искрящуюся жидкость уже в маленькую, стеклянную кружку для мальчика, и, сказав: - "Пэйте на здоровье!", удалился. Янтарная жидкость сверкала через грани стекла, брызги мельчайших, холодных пузырьков обдавали лицо и щекотали в носу...

худ. Михаил Хубашвили. Мадонщик.

Медленно, маленькими глотками пил мальчик, впервые в жизни, этот чудный напиток, продолжая слушать Арсена, разговоры вокруг. И что удивительно — он все понимал! Понимал доселе незнакомый ему говор через интонации, паузы, взгляды, жесты. Он все еще не осознавал происходящего с ним. Не осознавал, что это Тифлись, умеющий очаровывать, начинал свое колдовство. Мальчик с упоением растворялся в этом чуде. Он открывал для себя новый мир — город, улочки, бесчислен-

ные лавки и мастерские, людей, речь, жесты, мелодии. То, что открывалось перед ним несколько отличалось от его представления города — где, как ему казалось, большие дома, масса хмурых людей, занятых делом, богачей — в кутежах и уве-

селениях и, самой опасной категории горожан — жуликов, воришек и пройдох. Тифлис удивил его. Здесь не было, хмурых и злых лиц — все были заняты и все были веселы. Все предавались кутежам и застолью и богач и бедняк, и порой было трудно понять, кто правит "балом". Трудно было определить и жуликов и пройдох — все были готовы искренне помочь ближнему, проявляя при этом благородство. Грубый обман и издевка не принимались. Все вокруг напоминало веселую и добрую игру, где не бывает проигравших и обиженных.

Тифлисская армянка
Вардо Зарафьян-Манукова.

Каждый виртуозно исполнял в ней свою роль и только свою. А дирижером в этом представлении был, конечно, Тифлис! Как описать его пером, чтоб не повториться! Он многолик, многоголосен, многоцветен и многогранен, сверкающий со всех сторон по-разному, но одинаково ярко и гармонично. Он вне географии и измерений. Одинаково ленив и безудержно азартен. До странности наивен и хитер. Весел и грустен. Традиционен и непредсказуем. Подвластен времени, но юн.

Тифлисский цирюльник

— Прошло время, и надо было решать, что делать мальчику дальше. Арсен предложил продолжить учебу в школе и с осени Вагаршак стал ходить в ближайшую армянскую школу, начав снова с первого класса. Несколько странно выглядел он, провинциальный подросток, среди малышей-одноклассков. Малыши подтрунивали над ним, учителя относились с пониманием и терпением.

— В Тифлисе, как и во всех молодых Советских республиках, настали трудные времена. Было трудно с продуктами питания, особенно с хлебом. Его давали по хлебным карточкам. Заработков Арсена еле хватало, чтоб прокормить семью. Чтоб как-то облегчить вопросы питания мальчика, Арсен попросил буфетчика школы, где учился Вагаршак, в перемену между уроками, подкармливать его остатками хлеба, обещав ему взамен, по возможности, лекарства из аптеки, где он продолжал работать. Буфетчик согласился и тайком давал Вагаршаку немного остатков от хлеба. Но каких остатков! Это были черствые, заплеснувшие, прогрызенные крысами кусочки. Но, что было делать? Знакомое чувство голода снова преследовало его. И он ел этот "хлеб", запершись в школьном туалете, чтоб никто не видел его "завтрака". Так продолжалось некоторое время, но Вагаршак понял, что это не решение вопроса. Он видел, с каким трудом удастся Арсену прокормить семью, где только он зарабатывает на хлеб. Зарабатывает своим ремеслом! Девочки еще малы, тетя Анна еле успевает за хозяйством в доме. Еще прибавилось забот с Вагаршаком. И он решает оставить школу и обучиться какому-нибудь ремеслу.

— Как-то вечером он поделился своим решением с Арсеном. Арсен внимательно его выслушал и сказал: — "Ну, что ж. Думаю, ты правильно решил. Ремесло — это хорошо. Это и польза людям и кусок хлеба. Давай я обучу тебя своему

делу". — "Нет, Дай. Если можно, я обучусь ремеслу парикмахера. Я немного умею это делать — мне приходилось стричь своих братьев. А когда обучусь, вам уже не придется ходить в парикмахерскую". На том и порешили. Арсен договорился с мастером в цирюльне у Солдатского* или как его еще тогда называли — Русского базара, чтобы тот взял мальчика в ученики и подучил его ремеслу. Мальчик же за это будет ему во всем помогать, и в мастерской, и, если понадобится, в домашних делах. И вскоре Вагаршак, вновь оставив учебу, стал каждый день, с раннего утра и до позднего вечера, бывать в этой мастерской. Место было бойкое, многолюдное, посетителей много. Здесь не только стригли и брили, но и делали компрессы, массаж шеи и лица, ставили пиявки, хранящиеся тут же в стеклянных баночках с водой, втирания различных мазей из серы и чеснока против перхоти и облысения, лечили от угрей и фурункулов квасцами и пивными дрожжами. Мастера еле успевали обслужить клиентов. Мальчику приходилось их встречать, сопровождать к мастеру, соблюдая очередность, греть и вовремя подносить воду, чистые, смоченные в воде салфетки для компрессов, пиявки, подметать срезанные волосы, убирать, следить за чистотой, выполнять многочисленные поручения не только мастеров, но и клиентов. Итак, с утра и до поздней ночи. Он делал это с удовольствием. Работа сопровождалась шутками, анекдотами, различными историями. Здесь рассказывались и пересказывались все городские новости, сплетни. Так продолжалось несколько месяцев, но, к сожалению, об обучении ремеслу не было и намека. Мальчик был им нужен для побегушек, чтоб выполнять побочную работу. Это, до поры до времени, не смущало Ва-

* Солдатский или Русский базар — назывался так ввиду того, что по воскресным дням здесь торговали, кроме прочего, и бытовыми изделиями, изготовленными солдатами из местного гарнизона (прим, автора).

гаршака, но постепенно он стал задумываться, — а как же самому научиться обслуживать клиента? И он решил пойти на хитрость и, не дожидаясь, когда его начнут учить, самому постараться вникнуть в секреты ремесла. Стал между делом, да и во время, когда был занят подметанием полов или еще чем-то, краешком глаза подглядывать и следить за действиями мастеров — как они орудуют ножницами и расческой, опасной бритвой, как ставят компрессы и т. д. Начал многое усваивать, запоминать, затем повторял это дома, пробуя подстригать волосы Арсена. Но однажды, когда Вагаршак подметая полы, внимательно следил за действиями мастера, тот заметил и понял его намерения.

— "Ах ты, паршивец! Без году неделя в учениках, а уже хочешь стать мастером! Для этого надо съесть пуд соли! Занимайся пока тем, чем велят. Ты еще не дорос, чтоб стать вровень с нами. Еще раз замечу, что подглядываешь — выкину на улицу!" — окрикнул он мальчика, и дал ему сильную затрещину...

—Этим же вечером, уже дома, Арсен увидел, что мальчик очень грустен и подавлен.— "Что случилось, Вагаршак? Тебя кто-то обидел?". И мальчик, в сердцах, рассказал об эпизоде в мастерской.— " Я не знаю, что мне делать, Дай. Очень хочу скорей начать самостоятельно работать, уже многое умею. Не хватает только практики. Посоветуйте, как мне поступить?". Арсен немного подумал, и выход был найден.

— "А ты, Вагаршак, начни работать прямо в нашем дворе. Для этого тебе понадобятся необходимые инструменты, которые я постараюсь достать, стул и небольшое зеркало. На улице полно неимущего люда. Ты можешь учиться на них. Я думаю, они с удовольствием согласятся. Конечно, будешь делать это бесплатно. Будет польза и им и тебе. С клиентурой

у тебя проблем не будет. Все остальное будет зависеть только от тебя" — предложил Арсен. И, действительно, когда Вагаршак, с появлением у него всего необходимого, стал звать с улицы людей для бесплатной стрижки и бритья, охотников нашлось немало. Это была безденежная масса, в основном бородатые муши — носильщики. Он поставил стул в центре двора, у дерева унаби, к нему же приспособил и небольшое зеркало. Место было удобно и тем, что верхнюю одежду клиенты могли снять и повесить на унаби. Проблема с теплой водой тоже решилась просто,— дело было летом, и вода, набранная из крана во дворе, быстро грелась, прямо под лучами солнца. В уборке остриженных волос помогала тетя Анна. Сначала было сложно. Бородатые муши охотно откликались на заманчивое предложение. Но затем, стиснув зубы, терпеливо дожидались конца неожиданной, добровольной, но зато бесплатной пытки. Многие шли на это с пониманием, видя страстное желание мальчика найти себя в жизни. Все это происходило под веселые шутки и хохот соседей. Это был для них, тоже бесплатный, отличный спектакль и повод для острот, балагурства и незлобных шуток в адрес мальчика и его клиентов. Он принимал их с достоинством, зачастую и сам смеялся над собой и своей затеей. Он принял уже игру и правила города и держал перед ним очередной экзамен, решив идти до конца, чего бы это ему не стоило. Часто некоторые слабонервные клиенты не выдерживали конца экзекуции и, срывая с себя простынки, под хохот и свист зрителей-соседей и возгласов вслед — "Авое!", "Чантракулия сакме!" (Очень плохи дела!) или непереводаемыми абракадабрами типа — "Заремба зхкм бабахикин!", ругая себя и все на свете, с недобритой щекой убегали от незадачливого юного цирюльника. Он бежал за ними, относя забытую одежду, просил извинение. А зрителей такие сцены приводили в восторг, при-

бавляя и без того немалое, остроумие. Вагаршак не находил себе места в такие минуты. Особенно переживали Анна и девочки. И, конечно, Арсен. Он тайком следил из комнаты, через окно, выходящее во двор. Вагаршак знал об этом и в минуты растерянности виновато поглядывал в сторону этого окна. Ему больше всего на свете не хотелось, чтоб Дай пришлось краснеть из-за него. Но постепенно его упорство стало приносить плоды. Муши не только приходили сами, но и приводили своих друзей и знакомых. Весть о бесплатной цирюльне, где мальчик делает и лицевые компрессы, и массаж шейных мышц, стала распространяться по всему кварталу. Вагаршак, действительно, уже ловко и мастерски делал свое дело. А главное, делал он это забавно, весело, с шутками, внося в городской сленг и свои интонации, с полным вниманием и уважением к клиенту. К работе мальчика, стараясь чем-то ему помочь, часто подключалась и дворовая детвора — Омари, Лева, братья Мирзоевы — Юра и Эдик. А сосед — Жора Дралинский садился на табурет, под деревом унаби, и задорно играл на гармошке. Рядом с ним, чутко реагируя на игру своего хозяина, сидел его верный пес — Тарзан. Настал момент, с прошествием времени, когда во дворе стала выстраиваться очередь. Приходили и клиенты, предлагавшие мальчику деньги. Насмешки и хохот соседей исчезли, уступив место удивлению и ворчанию соседок на большое скопление людей. А мужская половина двора сама стала с удовольствием пользоваться услугами юного мастера, и он оказывал их с радостью. Арсен уже гордо проходил по двору, — он не имел привычки, да и времени, празднично находиться во дворе.

В один из таких дней к Арсену на переговоры пришел мастер, к кому на обучение был отдан Вагаршак. Он просил вернуть мальчика в мастерскую, где ему будет предоставлено

моего для индивидуальной работы. — "Вы уже сделали свое дело. Спасибо. Мальчик многому у вас научился. Теперь он может выбирать сам" — ответил ему Арсен.

— Вагаршак, вскоре, нашел себе работу в мастерской на Головинском проспекте*. Это была солидная парикмахерская, где мастера работали в две смены. Его с удовольствием приняли, и он быстро вписался в многонациональный коллектив, любящих свое дело, своих посетителей и свой город, мастеров. Для посетителей это был дом родной, а для мастеров каждый посетитель друг и товарищ. Сюда приходила и вся интеллигенция — писатели, поэты, художники, артисты. Сколько творческих задумок начиналось из разговоров в многочисленных тифлиских ремесленных мастерских!

— Но вот, когда, казалось, у Вагаршака стало постепенно все налаживаться, пришло скорбное известие. Вечером мальчик застал грустно сидящих на тахте домочадцев. — "Вагаршак джан, у нас печальная весть. Сегодня мы получили I письмо от твоих братьев, где они сообщают, что умер твой отец — Хечо... Его уже похоронили"., сказал Арсен. Вагаршак заплакал, за ним и все остальные. — "Я стал уже круглым сиротой... Свою мать не помню, нет даже ее фотографии... А теперь мой бедный отец... Я хотел немного встать на ноги и поехать к нему. А куда мне теперь ехать?.." — плача, проговаривал мальчик. — "Тебе никуда не надо ехать, мой мальчик. Я тоже остался сиротой и знаю, что это такое. Меня приютили и помогли, как родному, незнакомые люди. А у тебя, кроме братьев, уже есть сестры, мама и отец. Ты давно для нас как сын. Я всегда мечтал иметь сына похожего на тебя", — тихо произнес Арсен. Слезы печали смешались

* Головинский проспект — ныне проспект Руставели (прим, автора).

со слезами счастья и надежды. Анна, девочки, Арсен, обнимали и с теплом прижимали к себе растерянного в своих чувствах Вагаршака. — "Анэт, принеси нам бутылку красного вина — №5, и мы помянем ушедшего от нас Хечо. А завтра я пойду в церковь и зажгу свечу за упокой его души. А мы с тобой, мой мальчик, обязательно, как только получится, поедem в Зангезур и поставим Аповин Хечо могильную плиту" — произнес Арсен.

Верность Слову

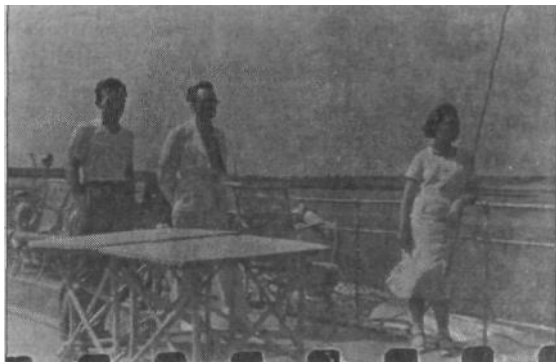
— Арсен Аваков был человек набожный. Он родился с Богом в душе. Это была истинно христианская вера, а не страх или спасительная соломинка. Вера, помогавшая полноценно жить, не впадая в аскетизм и фанатизм, но дающая внутреннюю силу и самоконтроль. Вера в человека, в жизнь, в справедливость и равенство, в свет и радость. Это была Вера, переданная генами, а не случайное открытие, подвергавшееся периодическим разочарованием и сомнению. Только такая Вера способна по настоящему помочь человеку. Собственно эти идеалы и привели его в молодые годы к большевикам. Ведь их изначальные лозунги были те же — свобода, равенство, братство, справедливость. Арсен был очень гармоничен и в ладу с собой и своей совестью. Ничто земное не было ему чуждо. Он очень любил жизнь и жил с удовольствием. Любил застолье, но знал меру. Знал цену деньгам, но был щедр — считал, что человек должен властвовать над монетой, а не наоборот. Был прост и демократичен в общении, но сохранял всегда собственное достоинство. Ценил в людях верность слову и пунктуальность и сам, неукоснительно, следовал этому. Казалось, был старомоден, но не переставал удивлять оригинальностью поведения и поступков. Свою набожность никому не навязывал и особо не выказывал. В церковь ходил один, тщательно готовясь перед выхо-

дом из дома — приводил в порядок себя, одежду. Дома же, изредка, доставал из нагрудного кармана небольшой образок Богородицы, хранящийся в специально сшитом, матерчатом футляре, и молча его разглядывал. Затем бережно целовал и аккуратно клал в карман. Только иногда мог он позволить себе высказать вслух какое либо наставление из Библии. К примеру, как-то, один из многочисленных родственников Анны, очень уважавший, как и все остальные, Арсена, зная его преданность и любовь к семье, поинтересовался, почему он все же привязан к Вагаршаку больше, чем к своим дочерям? Арсен ответил, что когда Иисуса спросили, с кем он, тот сказал — с тем, кто внемлет моему Слову.

— Действительно, все домочадцы, и в особенности Арсен, очень любили мальчика. У самого Арсена в городе не было кровной родни, кроме, конечно, жены и дочек. Привязанность его к Вагаршаку доходила до того, что он не приступал к обеду, пока не придет мальчик, независимо от присутствия гостей в доме, а их бывало много и отовсюду. Был случай, уже годами позже, когда навестить семью Арсена пришел, будучи уже известным авиаконструктором, брат Анастаса Микояна — Артем Микоян. Узнав о предстоящем визите, Арсен срочно послал за Вагаршаком на работу. Визит предполагал-

Арсен и Вагаршак. Тифлис.

Зарик в гостях у Микоянов. Прогулка с Анастасом и Артемом Микоян на пароходе. 1930-е годы.
Публикуется впервые.

ся к обеду, и Анна решила приготовить для Анушавана так называли в узком кругу Артема Ивановича, его любимое блюдо — сваренное стручковое зеленое лобио. Лобио уже варилось, Вагаршак пришел с работы, и все спокойно ждали гостя.

Вдруг, Анна, подойдя к кастрюле с варящимся лобио, схватилась за голову. Из кастрюли вытекала обильная, белая, пена. — "Арсен джан, что я наделала!", — взмолилась бедная женщина. - "Я же посыпала лобио содой, что стоит в пачке на кухне рядом с солью! Хорошо, что еще вовремя спохватилась, а то, представляешь, чем бы я угостила нашего Анушавана!". Времени до прихода гостя оставалось немного, но Вагаршак успел сбегать на Солдатский базар и купить заново все припасы, а Анна успела заново сварить тот же обед, только уже с солью. Встреча с гостем прошла тепло и весело. Вагаршак был в ударе и Артем Иванович с наслаждением слушал его тосты, рассказы, шутки. Он очень соскучился по настоящему, теплому, кавказскому застолью. Сам он был человек скромный, простой, теплый, улыбочивый. Вел себя и одевался, чрезвычайно просто. Не зная его, трудно было предположить, что это один из ведущих авиаконструкторов великой страны. Сосед — папаша Аршак, статный, красивый, встречавший Артема Микояна на балконе и нарядившись по этому поводу во все лучшее из своего гардероба — темный

костюм с жилетом с закрепленной на его пуговице золотой цепочкой с часами в карманчике, в цилиндре и тростью в руках, был искренне удивлен, увидев авиаконструктора в самой простой и скромной одежде. Не сумев скрыть своего удивления по этому

Ашхэн, Артем Микояны и Зарик. 1930-е годы.
Публикуется впервые.

поводу, после обмена приветствиями, он простодушно изрек: "Дорогой Артем Иванович, со стороны, наверное, такое впечатление, что Министр — я, а не Вы!" — Он всех называл Министром, кто занимал какое-либо высокое положение в обществе. Артем Иванович широко улыбнулся и тепло, взяв за руку папашу Аршака, ответил: — "Варпет джан, мы гордимся делами, а не одеждой". Папаша Аршак всегда вспоминал эту фразу, сказанную человеком, любящим свою Родину, свой народ и много ему отдавшим.

— Вагаршак уже давно был во власти города, где сам Бог велел жить с надеждой и верой. Город, где жили люди не только разной национальности, но различных вероисповеданий*. Здесь царил одна Вера — вера в Человека, человеколюбие. Им было пропитано все. Человеческие отношения были пропитаны верой и любовью к ближнему. А сам город был храмом, где на каждом шагу проявлялась Божья воля. Его

* Население Тифлиса принадлежало, в основном, к 5-ти конфессиональным общинам — православной, армяно-григорианской, католической, иудейской и мусульманской (прим, автора).

жители не только в церквях, с зажженной свечой перед образом, но и повсеместно и ежедневно, со стаканом вина в руках, сами того не ведая, воздавали хвалу Господу. И Господь принимал ее. Кутежи и увеселения в Тифлисе не были богонеугодными излишествами. Вагаршак неплохо вжился в этот город, усвоил его обычаи и нравы. Говор его стал мало отличаться от городского, и он легко находил общий язык со всеми. Усвоил русскую и грузинскую речь. И город его принял. Он сдружился с родственниками Анны, сослуживцами, соседями. Особо сблизился он с сыном папаша Аршака — Гагиком, своим ровесником. Гагик родился в Тифлисе после того, как его отец переселился туда из Средней Азии, где у него были собственные бани. В Тифлисе Аршак занялся портняжным ремеслом — шил на заказ дорогие костюмы. Он был ровесником Арсена и приходился ему дальним родственником. И жили их семье рядом, через стенку, на одном балконе. У него были две дочери и сын — Гагик. Гагику нравилась неуемная энергия, фантазия, простота в общении, незлопамятность Вагаршака. Нравился его своеобразный юмор. Но оставалось одно, очень важное положение, которым юноше надо было овладеть, чтоб стать настоящим тифлисцем, — это понять и принять тифлисское застолье.

Застолье

— Как-то Гагик пригласил Вагаршака на свой день рождения. Собралось много гостей, все веселились, произносили красивые тосты, пели. Каждый старался показать, на что горазд. Только Вагаршак скромно сидел за столом, и внимательно слушал. — "Какие все умные, образованные" — думал он, — "а что умею я?". И тут, во время этих раздумий, кто-то из гостей, обращаясь к нему, спросил: — "А ты, молодой человек, почему не участвуешь в нашем веселье? Давай, и ты

Худ. Оскар Шмерлинг. Тифлисский кутеж.

скажи тост, прочти стих или спой нам что-нибудь". — У юноши от страха душа ушла в пятки. Что он мог им сказать или показать? От стыда он готов был провалиться сквозь землю. Но выручил один из друзей Гагика, ответив за Вагаршака: — "Да оставьте его в покое. А если хотите узнать на что он способен, сходите завтра к нему в парикмахерскую — он вас побреет и острижет — это его дело, а наше дело — пить и веселиться!"

— Слова эти глубоко ранили сердце юноши и заставили призадуматься.

— Надо отметить, что застолье и кутеж для настоящего тифлисца это нечто большее, чем просто еда и возлияние, от случая к случаю. Это образ жизни - особый и неповторимый. Без застолья и кутежей можно представить

любой город мира, но только не Тифлис. Душа тифлисца по настоящему раскрывается только в застолье с близкими, друзьями, со случайным гостем, за стаканом сухого вина и простой закуской. И главное в нем не еда и выпивка, а сердечное общение и признание в любви к ближнему и миру. Тут виден человек, какой он есть на самом деле. И грош цена тому, кто только и знает, что работать, но не делится радостью и печалю с друзьями! Во все времена, как бы трудно не жилось тифлисцу, бутылочка вина, пури, кусочек сыра — сулгуни, свежая зелень и речные рыбы — храмули и цохали, украшали его стол. Вагаршак тянулся к этому миру. После окончания работ, мастера, перед уходом домой, заходили в духаны или винные подвальчики — настоящее царство мужчин — чтоб благословить стаканом вина еще один трудовой день. Вагаршак тоже с удовольствием шел с ними. Он впервые попробовал молодое вино — мачари. Пили же в основном сухие виноградные вина. Водка, коньяк, крепленые вина не били приняты в быту. Ну, а сухие вина, как заметил еще великий классик, были в очень широком употреблении. В этом была и своя причина — оно, сухое вино, легко пилось, давая возможность растянуть застолье и всем высказаться. В этом суть тифлиских застолий. Невозможно представить молчаливо пьющих тифлисцев. В застолье, как правило, тифлисец становился еще добрей и сентиментальней. Мечтал о лучшей жизни для себя, своей семьи, близких и друзей. Становился еще красноречивей и остроумней, но, как правило, не терпел пошлости и цензурицину. Все это сопровождалось пением, стихами, притчами, житейскими поучениями. В одном из тифлиских тостов говорится, как два марала пасутся на благодатном горном склоне, где сочной травы вокруг — видимо-

невидимо, но они, тем не менее, стараются нежно подсобить друг другу. Так и в тифлисском застолье — теплоты, светлой ауры — хоть отбавляй, но сотрапезники стараются, чтоб было еще теплей, еще светлей вокруг,

— После случая на дне рождения Гагика, Вагаршак стал интимательно прислушиваться к тостам, их очередности за столом, запоминать притчи, стихи, слова песен. Его поражало умение — тамады вести застолье. Особенно он восхищался мастерством известного майданского тамады, близкого родственника Анны — Тиграна Ростомьянца. Восхищался его умением вести застолье даже в незнакомой ему компании. Вагаршак был свидетелем, как Тигран Ростомьянец, в одной компании, в перерыве между очередным тостом, навел справку у рядом сидящего, о человеке, за которого намечал следующий тост, а затем, произнес про него такой теплый и прекрасный тост, с мельчайшими подробностями из жизни тостируемого, будто они с ним были "не разлей вода". Было, у кого поучиться! Учителем был Тифлис. Юноша с головой окунулся в его теплые и щедрые объятия. К тому же он оказался способным учеником. С теплом и добром относящийся к людям, имея способность к импровизации и собственной интерпретации увиденного и услышанного, он придавал им свой, неповторимый колорит. Близкие и друзья тянулись к общению с ним. Они ценили его порядочность и преданность не только дружбе, но и семье. Он уже осмеливался возглавлять застолье, быть тамадой. И в следующий день рождения Гагика тамадой был Вагаршак. Трудно было узнать в нем того застенчивого юношу, скромно сидящего за этим же столом всего год назад! Сам Гагик гордился своим другом, а папаша Аршак аккомпанировал ему на таре.

— Несмотря на наступившие сложные времена, поиски "агентов империализма", партийные чистки, репрессии, жизнь в Тифлисе продолжалась в своих традициях. Полити-

Маевка в окрестностях Тифлиса. Тарист Павлэ с семьей и близкими. Сидят в центре сестры — Анна и Вардо Мануковы.

ческое напряжение, конечно, оставляло свой след. Арсен Аваков с тревогой просматривал свежие газеты, пестрящие именами вновь выявленных "врагов народа". Он очень беспокоился за судьбу Анастаса Микояна. В особенности, когда в Москве обосновался Лаврентий Берия. Однажды, когда Арсен гостил в Москве в доме Микоянов, он спросил у Ашхен, как чувствует себя Анастас, который практически не бывал дома — приходил поздно ночью, и уходил с утра пораньше. — "С тех пор, как этот пес — Лаврентий в Москве, у Анастаса нет ни минуты покоя" — шепотом ответила Ашхен.

— Но простой люд, зарабатывающий себя на жизнь своим честным трудом, продолжал в Тифлисе, как всегда, трудиться и веселиться. А Вагаршак стал душой не только своего двора, но и старых убанов города — от Майдана, Клор-таха, Солола-

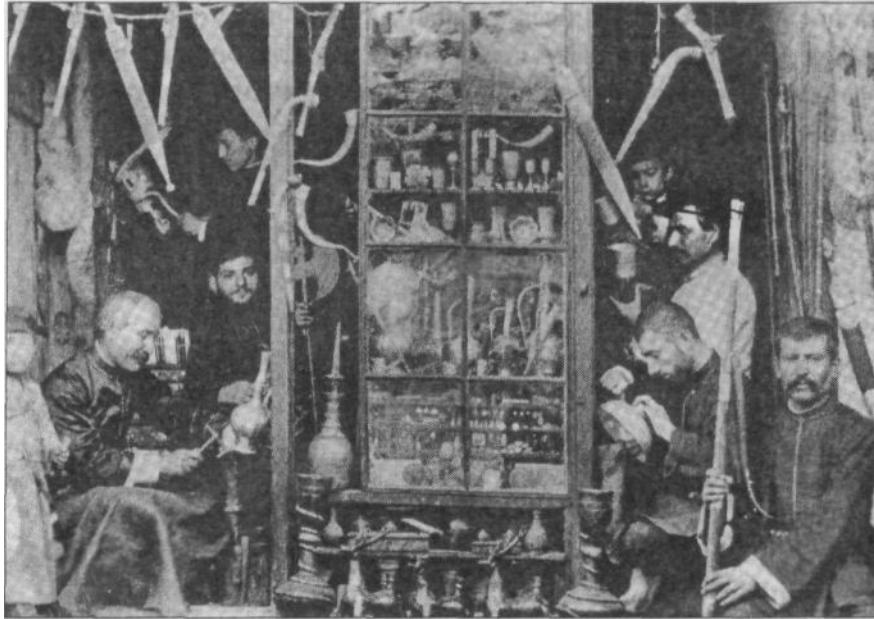
Худ. Оскар Шмерлинг. В цирюльне. Из серии "Тифлис уходящий".

Худ. Вагаршак Элибекян. Тбилиси. Ул. Пушкинская. Кабачок "Симпатия".

ка до Земмеля и Верийского квартала. К нему обращались и в горе, и в радости. Несмотря на молодость, он умел подбодрить нужным словом попавших в беду и вселить надежду, а в радости — искренне разделить ее. Он легко и естественно сходился со всеми. Взаимоотношения людей в городе еще более способствовали этому. Тифлис тех лет был одним из немногих городов, где существование различных сословий и социальных прослоек не было преградой к тесному общению и дружбе между их представителями. Здесь потомственный князь мог дружить с простолюдином, академик с ремесленником, музыкант с дворником или стекольщиком и т. д. Это и создавало его неповторимый колорит, рождало множество незаурядных личностей, прославляющих его. И среди них были не только известные академики, писатели или врачи, но и обычные тифлисцы, в особенности ремесленники. Их, ремесленников, объединенных в амкарства, знаменитый грузинский поэт, академик — Иосиф Гришашвили также причислял к богеме старого Тбилиси. И, естественно, был прав. Это была богема городской жизни.

— Многие ремесленники славились не только у себя в городе, но и высоко ценились в пределах империи. Тифлисскому оружейному мастеру из Армянского базара — Геурку Елизарову, русский император — Николай I, в первой трети девятнадцатого века, присвоил дворянское звание. Геурк и сыновья открыли посланникам царя свой секрет получения булатной стали для изготовления оружия в знаменитых Златоустовских питейных мастерских. За эти заслуги Элизаровы, кроме дворянского звания, получили и право на клеймо — *"Поставщик двора его Императорского Величества"* — на своих изделиях. С кинжалом работы Геурка Элизарова изображен М. Лермонтов на своем автопортрете.

Ремесленники Тифлиса.

Ремесленные мастерские, лавочки торговцев, тифлиские базары, цирюльни, кофейни-каваханы и духаны — вот та среда, откуда щедро черпали темы для своих произведений практически все тифлиские, да и не только тифлиские, писатели поэты, композиторы, художники. Сам Гришашвили своими произведениями был обязан именно этой богеме. Сборник стихов, принесший ему известность уже в молодости, назывался популярной фразой тифлиских лоти — кутил-ремесленников: - "Не простудись, барашек джан!".

- В тифлиских винных подвальчиках, каваханах, духанах-садах — не только рождались творческие замыслы, но и, зачастую, осуществлялись там же. Сами названия этих заве-

к ими уже настраивали на поступок: "Симпатия", "Гемо" (Вкус), "Не уезжай, голубчик мой!", "Моди мнахе"(Зайди, увидишь!), "Сам пришел" и множество, множество других. Завсегдатаями духанов были художник Нико Пиросмани и знаменитый тифлиский поэт Иетим Гурджи. Один рисовал на стенах, другой писал в духанах свои стихи прямо на клеенках! Ему, Иетиму Гурджи, будучи в Тифлисе, с вдохновением читал свои стихи Сергей Есенин. А поэтические состязания ашугов и поэтов в этих заведениях! Великого русского композитора Петра Ильича Чайковского, когда он гостил в Тифлисе, чествовали в "Белом Духане" и в духане-саде "Ваза". Не стоит повторяться и перечислять имена не только известных армянских, грузинских, но и великих русских и других поэтов, писателей, художников, обожавших тифлиские духаны. Но отметить несколько почти позабытых имен тифлиских поэтов и ашугов, жизнь и творчество которых немислимо представить без духанов, следует — Бечара, Азира, Гивишвили, Скандар-Нова.

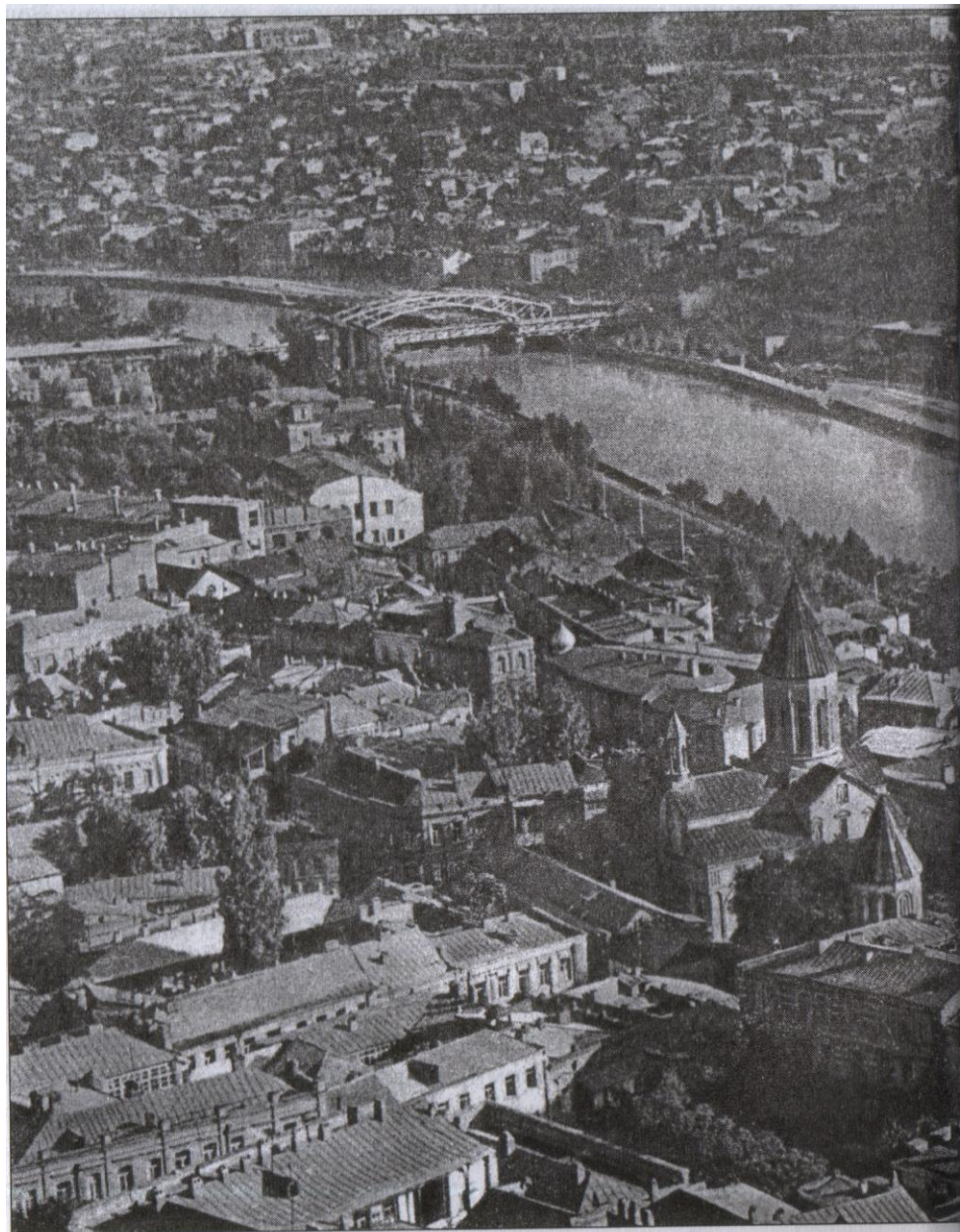
- Эти духаны, по своей значимости в художественной жизни города, можно сравнить разве что только со знаменитыми парижскими кафе на Монмартре. Весь этот фантастический пласт культуры, к сожалению, постепенно исчез, вместе со временем романтиков тех лет, как, к примеру, исчез и "Фантастический кабачок" на Головинском проспекте, расписанный молодыми тогда художниками Ладдо Гудиашвили, Сигизмундом Валишевским, Александром Петраковским, Сергеем Скрыпициным (Сэр Грей), Ильей Зданевичем и др.

- Огромное значение в жизни города имели различные ремесленные мастерские, в том числе и цирюльни-парикмахерские. Когда Вагаршак провозглашал тост за труд, людей труда, его, иногда, с удивлением спрашивали, почему он

выбрал профессию парикмахера? Он с юмором, но гордо отвечал: — "А чем, она плоха?! Чем она хуже, чем работа, к примеру, дантиста? Я усаживаю своего клиента, как и дантист, в кресло, работаю в белом халате, со стерильными инструментами. Он лечит зубы, я занимаюсь вопросами гигиены и красоты волос и кожи. Разве гигиена не входит в медицину? Без гигиены — какое лечение! А поговорить по душам? Это же так важно для любого человека! А у дантиста, какие могут быть разговоры с клиентом, который дрожит от страха и боится открыть рот! Ведь разговоры по душам, веселая шутка, тоже лечат. Ко мне часто приходят не только здоровые клиенты, но и те, кому нездоровится. Вы посмотрите на них до и после наших процедур! Можете не узнать! А если сходить еще в серную баню, где над вами пороботает терщик-кисачи и пропустить после этого стаканчик вина — вы будете чувствовать себя, как младенец! Кто сможет обойтись без нас! Мы настоящие Мастера Красоты! А всякий труд красив и уважаем.

— Как-то, заведующий парикмахерской — Сосо, предложил Вагаршаку и мастеру Баграту поездку в Батум. — "Мы сможем совместить приятное с полезным. Нас пригласили принять участие в работе комиссии по отбору молодых мастеров. А по вечерам нас ожидают веселые застолья — с шашлычками, вином и всем прочим,— это я вам обещаю, только поедем вместе, не то мне одному не справиться" — уговаривал он друзей, в радужных красках описывая эту поездку. Друзья с удовольствием согласились,— и помощь товарищу и приятное времяпровождение. Вскоре они приехали в Батум. Разместились в собственном доме одного из знакомых заведующего. Дом был небольшой, но ухоженный — с садом и хлевом, где хозяин держал корову и нескольких коз. Гостей разместили в небольшом флигеле во дворе, и все было чуд-

но. Днем они присутствовали на экзаменах по мастерству молодых парикмахеров, а по вечерам Вагаршак и Баграт ожидали, с нетерпением, обещанного застолья. Но проходил день, другой, а застольем и не пахло. По утрам и вечерам хозяева, где они остановились, угощали их свежо надоенным молоком, сыром, домашним маслом и т.п. Так прошла неделя. Приближалось время отъезда, и Баграт не выдержал.— "А, где твои обещанные вино и шашлычки?",— спросил он у Сосо, после очередной порции молока и мацони.— "Слушайте, ребята, вам, что мало вина и шашлычков в Тифлисе? Наконец то мы вырвались в дачное место! — море, чистый воздух, парное молоко! Когда вы еще сможете позволить себе такое? Сам бог велел нам перейти здесь на диету! А вино нас ждет, не дождется в Тифлисе. Там на диету не сядешь!" — Вагаршаку и Баграту нечем было возразить. В ту же ночь, когда друзья уже засыпали, в какой-то момент послышался шорох. Баграт и Сосо подняли головы с подушек, затем включили свет. Они застали Вагаршака, натягивающего на себя брюки.— "Ва-то! Куда ты собрался посреди ночи?"- в один голос спросили они.— "Как куда? Вы же сами решили, что нам надо перейти на усиленную диету. Я с вами полностью согласен. И даже больше — я решил еще более усилить эту самую диету! Пойду сейчас в хлев и, не дожидаясь утра, когда меня угостят молоком, буду пить его прямо из вымени коровы и козы! Такого счастливого случая у меня больше может не быть!"— произнес лукаво, но с серьезным выражением лица Вагаршак. Услышав такое, друзья на миг оторопели, но затем уже долго в ту ночь не могли сдерживать смеха, продолжая импровизацию на эту комичную ситуацию, а Сосо, на следующий день, все же выполнил свое обещание.

Панорама Тбилиси

День Победы

— Ещё много радостного и грустного происходило с молодым человеком в то время — всего не рассказать, но вскоре Вагаршак призвали в Красную Армию. Восемь лет ступает он тропами войны — от Халхин-Гола до Победы в Великой Отечественной. Проходит все тяготы простого солдата в составе 465-го зенитно-артиллерийского полка, дойдя до Бреслау — так по-немецки назывался нынешний польский город Вроцлав. Все эти годы непоколебимо верит в победу. Его не покидают чувство юмора, оптимизм и доброта. В самые тяжелые минуты жизнелюбие, веселая шутка спасают не только его, но и окружающих. Его любят и солдаты, с кем он делится последним, чем можно поделиться на войне, и командиры. В критические для страны дни 1942-го года, вступает в ряды Компартии, оставаясь ей верным до конца своих дней.

— Судьба его пощадила — он дождался Победной Весны. Встретил ее в Днепропетровске. В городе еще был комендантский час — после 22.00. можно было находиться на улице только при наличии спецпропусков, в том числе и военнослужащим. Вагаршак имел такой пропуск, когда его поздним вечером на улице задержал патруль для проверки документов. Пока патруль удостоверился в личности солдата, из радиуропора, установленного на улице, послышалась песня. Транслировали арию Ануш из одноименной оперы А. Тиграняна... Вагаршак зачаровано слушал мелодию своей, уже очень близкой земли. На глазах его были слезы. — "Почему плачешь, солдат?" — удивленно спросили патрульные. — "Послушайте!..., по радио передают мелодии моей земли! Я не надеялся, что услышу их, хоть никогда не сомневался в нашей Победе, но

в своей личной судьбе не был уверен. А теперь я уверен — встреча близка! Это слезы нашей Победы"... — И это было правдой, а не сном.

— Приближалась долгожданная встреча. Встреча с любимым городом — Тифлисом-Тбилиси, где его с нетерпением ждали родные и близкие. Встреча с новой, уже совсем иной жизнью.

P. S.

Когда наступает сентябрь

— На склоне лет, переезжая в родную Армению, Вагаршак, на многолюдном перроне тбилисского вокзала, в окружении провожавших его друзей с наполненными вином бокалами, проводниц, с интересом наблюдавших эту трогательную сценку, уже на ступеньках вагона, с грустью в глазах, обращаясь к любимому Городу, произнес:

*Прощай, прощай, ты мой Тифлис!
Прощай зурна, прощай дудук,
Вином красным полный бурдюк!*

*Прощай, чемо шумный Майдан
И Авлабар — веселый, сладкий!
Серни бани и кисачи!*

— Прощай, прощай, ты мой Тифлис!

Прощай, чемо Сирачхана

— Ах, Тамара — душа моя!

Сололаки! Ортачала!

— Прощай, прощай, ты Мой Тифлис!!!

—И добавив, в конце:— "А Алаверди, Дзер Цавт Танем — передаю Вам!"— медленно прошел в вагон своего отъезжающего поезда...

—Вагаршак любил рассказывать, что решился, как-то, написать о своей жизни, и отнес записи в одно из тбилисских издательств, предполагая, что они представляют интерес. Но редактор вежливо вернул ему рукопись, сказав:— "Дорогой мой, это самая обычная история, и вряд ли она будет кому-то интересна...".

2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вокруг старого Унаби</i>	4
<i>Пушкинская 19</i>	46

ГРИГОРИЙ ВАГАРШАКОВИЧ АРУТЮНЯН

АВОЕ, ТИФЛИС!

Директор издательства:

Э. Мкртчян

Редактор:

В. Гепатис

Художник:

Ю. Демин

Английский текст на обложке:

Н. Барсегян

Компьютерная верстка и дизайн обложки:

В. Асриев

Отзывы и пожелания по тел:

39 69 76, (091) 94 48 43

Печать офсетная. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Объем 5.25 п.л. + 0.25 во. Тираж 200 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗАНГАК-97»

375051, Ереван, пр. Комитаса 49/2, тел.: (+37410) 23 25 28,
факс: (+37410) 23 25 95, эл. почта: info@zangak.am, эл. сайт: www.zangak.am

Книжный магазин: ул. Ханджяна 29, тел.: 54 06 07

Григорий Вагаршакович Арутюнян, искусствовед, член Союза Художников Армении. Автор книг: "Русская икона в Армении", "Русский портрет в частном собрании", "Вернисаж". Указанные книги на Международных выставках книги во Франкфурте на Майне, Москве (2002 г.) и Москве (2005 г.) вызвали живой интерес. Новая книга Г.Арутюняна "Авое, Тифлис!" - воспоминания о Тбилиси, его ауре, в которой проходило становление автора.

Grigori Harutunyan, the art critic, the member of the Artists Union of Armenia is the author of the books "Russian Icon in Armenia", "Russian Portrait in the Private Collection" and "Vernisage". These books were presented on the International Book Shows in Frankfurt (2002) and Moscow (2005) and evoked lively interest. The new book "Avoe, Tiflis" presents the author's recollections of Tbilisi its aura and atmosphere in which the author grew up.

